

ИЛЬЯ ДРОКАНОВ
●
ПАРОЛЬ:
ТИШИНА НАД
БАЛТИКОЙ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Илья Дроканов

Пароль: «Тишина над Балтикой»

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Дроканов И. Е.

Пароль: «Тишина над Балтикой» / И. Е. Дроканов —
«Центрполиграф», 2019 — (Классическая библиотека
приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-9524-5351-7

Новый исторический роман Ильи Дроканова продолжает тему, начатую в предыдущей книге автора: «Броня Балтики». Посвящен деятельности советских военных разведчиков и построен на малоизвестных нашему читателю материалах. Временной период происходящих событий захватывает более четверти века: с 1917 по 1945 год. Сюжетные линии ведут от сражений на фронтах Гражданской войны в России в Германию и Швецию 1920-х годов, к событиям антифашистской борьбы в Испании 1936–1938 годов, на конференцию антигитлеровской коалиции в Марокко в 1943 году, к боям в Северной Европе на море и на суше в период Второй мировой войны. Среди героев – советский разведчик под псевдонимом Ферзь, его руководитель капитан первого ранга Тихонов, прекрасная и смелая женщина Кристина Тамм и даже руководитель разведки фашистской Германии – абвера – адмирал Канарис... Присутствие реальных политических фигур – «валькирии революции» Ларисы Рейснер, офицера царского флота Владимира Сташевского, вступившего в ряды советской разведки, наркома ВМФ СССР Николая Кузнецова и ряда других – повышает интерес к книге в среде любителей военно-исторической литературы. Автор много лет отдал флотской разведке и не понаслышке знаком с ее историей и современным состоянием, его патриотичная книга привлечет многих «мореманов» и любителей книг о спецслужбах.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-9524-5351-7

© Дроканов И. Е., 2019

© Центрполиграф, 2019

Содержание

Часть первая. Тихонов	7
Глава 1. Узник морской тюрьмы	7
1	7
2	10
3	13
4	17
5	19
Глава 2. Комиссар Раскольников	22
1	22
2	25
3	28
4	32
5	38
Глава 3. «Найти Стрельцова!»	46
1	46
2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Илья Дроканов
Пароль: «Тишина над Балтикой»

© Дроканов И.Е., 2019

© ЗАО «Центрполиграф», 2019

Часть первая. Тихонов

Глава 1. Узник морской тюрьмы

1

В суровом 1918 году в Советской республике не было хлеба, сахара, дров, керосина... Исчезало многое из привычного. Происходили непонятные события: в том году пропала половина февраля, то есть из жизни каждого жителя выпали четырнадцать суток. По декрету Ленина в стране вводилось европейское летосчисление: григорианский календарь вместо прежнего юлианского. Люди, заснув вечером 31 января, проснулись на следующее утро 14 февраля. Новации сыпались на граждан Республики ежедневно. От них голова шла кругом.

Начальник разведывательного отделения штаба Балтийского флота лейтенант Владимир Константинович Тихонов сокрушался от каждой новости, приходившей «из-под Шпица», из Морского генерального штаба, находившегося в ту пору в Петрограде, в здании Адмиралтейства. Через месяц после октябрьского переворота 1917 года и начала эпохи перемен Тихонов побывал «под Шпицом», куда ему было велено прибыть для доклада о деятельности разведки Балтфлота.

В ночь перед той поездкой ему приснился бывший начальник, полковник Генерального штаба Илья Иванович Стрельцов, сгинувший в морских волнах в декабре 1916-го. Опытный разведчик, как прежде, ходил по кабинету и убедительно говорил:

– Имейте в виду, Володя, главнейшая задача противника – уничтожить нашу разведку, которая всю войну житья ему не дает. Никому не позволяйте разрушить то, что мы с вами создавали с таким трудом!

Тихонов попытался возразить:

– Да что вы, Илья Иванович! Неужто такое может произойти?

– Увы! Германцы через своих людей в русской революционной среде будут наносить разрушительные удары по нашей армии и флоту, а в первую очередь захотят расправиться с разведкой...

Приехав на поезде из Гельсингфорса, Тихонов, как обычно, быстро одолел путь от Финляндского вокзала до Адмиралтейской набережной. Перед входом в святая святых русского Морского ведомства, здание которого красовалось на берегу Невы два века, придирчиво оглядел себя: жестом прямой ладони поперек козырька проверил, ровно ли стоит кокарда на фуражке, щелчками пальцев поправил манжеты под рукавами мундира, на каждом из которых сверкали два золотых шеврона. Надо заметить, что погоны со звездочками у офицерского состава отменили давно, но у флотских с обозначением званий проблем не существовало: один шеврон – мичман, два – лейтенант, три – старший лейтенант, один широкий – кавторанг, два широких – капитан первого ранга. Придержав шаг перед дверями знакомого здания, Тихонов подивился первым переменам.

У дверей вместо одного строгого часового расположилась живописная группа вооруженных матросов. Их было человек шесть, все с разных кораблей, если судить по названиям на ленточках бескозырок. Вид они имели грозный: винтовки за плечами, ручные гранаты пристегнуты к ремням, черные бушлаты крест-накрест обмотаны пулеметными лентами. Новенький, не стрелявший, судя по виду, пулемет «максим» стоял рядом для устрашения врагов. Впрочем, матросы не следили за входящими в Адмиралтейство, они оживленно разговаривали между собой и лузгали семечки.

Лейтенант обошел их и открыл тяжелую дверь.

В историческом беломраморном вестибюле дежурный офицер проверил документы и пропустил наверх по парадной лестнице, именовавшейся во флотском лексиконе трапом. В былые времена лестница была пуста, по ней изредка проходил кто-нибудь из старших офицеров. Теперь здесь перед взором Тихонова вверх-вниз сновали люди, в основном штатские или нижние чины. В руках они несли папки, из которых торчали какие-то бумаги.

На втором этаже лейтенанта ожидало новое чудное событие: там некая молодая особа с каштановыми волосами, в кожаной куртке и офицерских сапогах, явно позируя, водила, словно на экскурсии, группу солидных людей в пальто и котелках по апартаментам бывшего морского министра Ивана Константиновича Григоровича.

«Дожили, господа хорошие!» – подумал Тихонов, опустив глаза от неловкости ситуации. Позже знающие люди разъяснили ему, что эта дама по имени Лариса Рейснер – из числа революционных комиссаров Балтийского флота. Она, журналистка в прошлом и партийный функционер в настоящем, поселилась в квартире Григоровича и часто принимала у себя единомышленников из петроградских газет. Главным же образом она вместе с другими комиссарами занималась перестройкой старого военного учреждения на революционный лад. «Стало быть, амазонки теперь флотами будут командовать», – подивился про себя Тихонов.

«Слава Богу, – с облегчением отметил он, – хоть у служебного кабинета начальника Морского генерального штаба хозяин остается прежний по должности». Правда, вместо вице-адмирала Русина должность стал исполнять капитан 1-го ранга Беренс. Но Евгений Андреевич был хорошо известен на флоте: служил старшим офицером на «Цесаревиче», преподавал в Морской академии, был умелым разведчиком, пребывая в должности военно-морского агента в ряде европейских столиц, а после Февральской революции возглавил иностранный статистический отдел Морского генштаба. В ноябре 1917 года Беренса назначили руководить всем штабом. Ему Тихонов и должен был докладывать о делах своего разведотделения.

Однако в кабинете Беренса лейтенанта ждал очередной сюрприз.

Он вошел, представился по уставу и, осмотревшись, обнаружил, что за столом неподалеку от начальника сидит знакомый ему с детства сосед по дому в Финском переулке Федька Ильин. Возмужал за годы войны парень, вон, косая сажень в плечах! Мичманом должен быть, ведь год назад окончил Гардемариные классы. Но одет Федор не в морскую офицерскую форму, а в модный шерстяной костюм. Чего ему в этом кабинете понадобилось?

Многие вопросы крутились в голове Тихонова, пока Беренс не произнес:

– С вашим докладом, Тихонов, желает ознакомиться комиссар Морского генерального штаба Федор Федорович Раскольников.

Федор кивнул головой, но не поздоровался, а продолжил рассматривать какие-то бумаги. По взгляду комиссара Тихонов понял, что бывший сосед его узнал, но не подал виду. А с какой стати он стал Раскольниковым, если от рождения был Ильиным, прямым потомком легендарного лейтенанта Ильина, героя Чесменской морской баталии? Должно быть, Раскольников – это псевдоним, ведь революционеры, как разведчики, часто всю жизнь живут под вымышленной фамилией. К примеру, известно из газет, что Ленин – это Ульянов на самом деле, а Троцкий – Бронштейн. Наверняка и с Федькой такая же катавасия, догадался Тихонов, начиная доклад.

По ходу его изложения Беренс, хорошо знакомый с положением дел на Балтике и с работой разведки, делал комиссару необходимые пояснения. Тот кивал в ответ, а иногда жестом показывал, что ему нужно выслушать разведчика. Когда доклад был закончен, Раскольников вышел из-за стола и в размышлениях стал мерить огромный кабинет шагами. Потом остановился и, не глядя на докладчика, медленно и отчетливо изложил свою позицию:

– Вам следует сворачивать работу с зарубежной агентурой. В том виде, как она выглядит сегодня, нужды в ней нет. Информация, которая поступает от агентов, не имеет ценности для

нового военного руководства страны. Товарищ Троцкий об этом говорит прямо. Разведке Балтийского флота необходимо сосредоточиться на получении достоверных данных по обстановке в местах базирования флота и в районах, прилежащих к ним. Используйте аэропланы морской авиации для разведочных полетов, согласуйте с командующим морскими силами направление в море эсминцев и подводных лодок с целью получения сведений по обстановке. При толково поставленной работе вы можете представлять командованию весьма интересные обстановочные сводки по Балтике. А ваши «норды», «ферзи» и прочие закордонные агенты сейчас не требуются. Надо от них избавляться. Такова наша революционная позиция!

Тихонов уже подготовился аргументированно возразить Раскольникову, но поднявшийся из-за стола Беренс попросту махнул рукой, жестом показывая, что никаких пояснений не требуется. При этом добавил:

– Ваш доклад закончен. Отправляйтесь в Гельсингфорс и действуйте. Необходимые указания получите письменно. Я бы с вами еще обсудил кое-какие вопросы, но, увы! времени катастрофически не хватает. Вот и сейчас нам с Федором Федоровичем срочно нужно ехать на совещание по вопросу упразднения Морского министерства и формирования нового флота республики в Наркомат по военным и морским делам, это в бывшем «Доме военного министра» на Мойке. Председатель Совнаркома Ленин будет выступать с докладом. А комиссия наркомвоенмора Антонова-Овсеенко несколько дней работает в Адмиралтействе. Вам счастливого пути! Будете нужны – вызовем!

Раскольников без слов вышел из кабинета первым. Тихонов в раздумьях неторопливо складывал документы в папку, когда почувствовал на себе взгляд начальника. Подняв глаза, увидел, что Беренс выразительно поглядывает, намереваясь скорее покинуть кабинет. Пришлось балтийцу поторопиться.

Спускаясь по лестнице, Тихонов снова обратил внимание на людей, снующих с деловым видом. Он догадался, что наблюдает работу той самой комиссии, которая должна упразднить старое Морское министерство. «Народу собрали много, быстро все упразднят», – грустно думал Тихонов по дороге на Финляндский вокзал.

Воспоминания о первой поездке в Адмиралтейство при новой власти долго не давали ему успокоиться. Случайные личности, пришедшие к руководству Военно-морским ведомством, в считанные дни сознательно уничтожили то, что до них кропотливо создавалось годами. Разведка Балтийского флота, выпестованная стараниями адмиралов Николая Оттовича Эссена, Адриана Ивановича Непенина, их талантливых сослуживцев Ильи Ивановича Стрельцова, Ивана Ивановича Ренгартена и многих других офицеров, превращалась из боевого органа в никчемную организацию. Эссен, Непенин, Стрельцов давно ушли из жизни и, слава Богу, не видят этого позора. Даже Ренгартен, доброжелательно встретивший октябрьский переворот, уволился со службы и устроился преподавателем Морской академии, читает теорию разведки на кафедрах истории морской войны и службы Генерального штаба. Перед уходом из штаба он сказал Тихонову:

– Владимир Константинович, больше в такой обстановке я служить не имею возможности. Смотреть, как уничтожают разведку, мне невыносимо. Будто собственное дитя теряю. Уж лучше стану «академиком», буду теперь читать в лекциях сухую теорию. Для души спокойнее. А вам, думаю, стоит еще послужить. Вы – человек довольно-таки молодой. Поэтому, может быть, на ваше время еще выпадут светлые времена.

Но до светлых времен дожить было сложно.

29 января 1918 года стало известно, что высший орган страны, Совет Народных Комиссаров, издал декрет и ликвидировал Морское министерство. Вместо него появился новый Рабоче-Крестьянский Красный Флот, руководителем которого утверждалась Верховная Морская коллегия. 15 февраля, по постановлению этой Морской коллегии и по настоятельному требованию комиссара Генмора Раскольникова, разведка Морского генерального штаба упразд-

нялась. В постановлении коллегии это решение объяснялось тем, что «при изменившемся политическом и социальном строе старая разведка не может выполнять своего назначения». В пояснительной части указывалось, что в большинстве своем русские военно-морские агенты за рубежом не одобрили октябрьский переворот и вряд ли могут оставаться лояльными по отношению к Советской власти. Что же касается созданной за границей агентурной сети, то с начала войны она нацеливалась в основном против Германии. А поскольку с Германией Советская Россия в то время как раз вела переговоры о подписании мирного договора, потребность в агентурной разведке полностью отпала.

В этой связи Верховная Морская коллегия дала начальнику Морского генштаба Беренсу соответствующие указания. В тот же день Евгений Андреевич телеграфировал подчиненным: «Я получил приказание ликвидировать все заграничные организации морской разведки. В создавшейся обстановке никакие сведения нами использованы не могут быть, а потому и продолжение агентурной работы для России является бесцельным».

Тихонов негромким голосом зачитывал полученные документы офицерам разведывательного отделения, которые собрались у него в кабинете. Когда чтение было закончено, наступила тишина. Среди этой тишины как вздох прозвучал чей-то тихий голос:

– Ну, теперь только пулю в лоб...

Подавленные разведчики разошлись, а Тихонов под впечатлением новостей взялся писать шифровку в адрес комиссара Раскольников, в которой на примерах доказывал, что совершена огромная ошибка. Как сам Федор Федорович, так и члены Верховной Морской коллегии, принимавшие историческое решение о ликвидации морской разведки, вряд ли в полной мере задумывались о возможных последствиях этого события. А последствия могут стать катастрофическими, писал им офицер-разведчик, прошедший войну.

Шифровка немедленно ушла в Петроград, а лейтенант Тихонов стал терпеливо ждать реакции начальства на нее, отчетливо представляя, что по голове его новая власть не погладит.

2

Ждать вызова в Петроград Тихонову не пришлось долго. В последних числах февраля дежурный по штабу в Гельсингфорсе уведомил его, что из Петрограда пришла короткая телефонограмма, предписывавшая «НР Морси БМ» (начальнику разведки Морских сил Балтийского моря) Тихонову немедленно явиться в Штаб Морси Республики, в Петроград. Телефонограмму подписал «Коморси Республики» (комиссар Морских сил Республики) Ф.Ф. Раскольников.

Владимир Константинович вновь собрал офицеров на совещание. Мрачно он довел до собравшихся подчиненных всю правду о том шаге, который сделал, чтобы попытаться спасти разведку Балтийского флота от разгрома, и о вызове в Петроград, пришедшем от Раскольников. Собравшиеся настороженно выслушали начальника, не проронив ни одного слова. В кабинете сидели опытные офицеры, которые понимали все без лишних слов. Возможно, в тот момент каждый из них думал и о том, какая судьба ждет всех в начавшемся 1918 году. Тихонов попрощался с подчиненными, полагая, что вряд ли вернется в Гельсингфорс на прежнюю должность. Особенно трогательной получилась сцена расставания со старшим лейтенантом Булавиным, радиоразведчиком и заместителем начальника отделения, вместе с которым служили в разведке флота все годы войны, начиная с 14-го. Булавин вынес его раненого из-под германской бомбежки на острове Даго осенью прошлого года, когда германцы намеревались захватить острова Моонзундского архипелага. Они обнялись и стояли, не произнося ни слова.

После совещания Тихонов собрался и с чемоданчиком в руках ближайшим поездом уехал в Петроград.

В темноте зимнего вечера он спрыгнул с подножки вагона на перрон Финляндского вокзала, но не поспешил с большинством пассажиров к стоянкам извозчиков, а нескорым шагом, похрустывая снежком, двинулся в сторону Финского переулка, где в квартире на втором этаже дома № 3 жила его мать.

Все годы войны он при случае заглядывал к ней домой и знал, чем она живет, как мог, унимал ее волнение за сына-военного, рассказывал, что знал, о положении России и о будущем страны. Сейчас ему хотелось оставить в родной квартире вещи и еще раз посидеть и поговорить с самым близким человеком.

В слабо освещенном Финском переулке проходивший красногвардейский патруль с нескрываемым подозрением проверил у флотского офицера документы.

«Лучше бы еще один фонарь зажгли, чем останавливать всех встречных-поперечных, хозяева города, мать их!..» – тихо выругался Тихонов, когда блюстители порядка удалились в сторону вокзальной площади. Подходя к дому, он свернул с мощенной булыжником проезжей части во двор, где из-за темени нельзя было рассмотреть ни дорожек, ни сугробов, ни грязного снега. Единственным источником освещения оказались окна винной лавки, которую много лет держала Антонина Васильевна Ильина, мать Федора, теперь именуемого Раскольниковым. Лавка занимала помещение первого этажа, окна светились изнутри неярким электрическим светом, благодаря которому лейтенант, не зажигая спичек, нашел дверь на нужную лестницу.

Тяжелая створка на входе заскрипела пружиной, в нос ударил с давних лет знакомый запах керосина, кошек и готовящейся еды, а ноги привычно отмеряли нужное количество шагов по пролетам лестницы. Сорок ступеней вверх, две площадки и – квартирная дверь, которую он открывал тысячи раз. Едва заметная в полумраке медная табличка «Присяжный поверенный К.Д. Тихонов». Отца уже десять лет как нет, но мать не разрешила снимать табличку. В комнате над ее кроватью висит фотографический портрет отца в рамке, а в шкапулке рядом с колечками и сережками лежит его круглый знак из позолоченного серебра, на котором выпукло изображен столп закона, обрамленный венком из дубовых и лавровых листьев, связанных лентой. И еще аромат сигар в памяти, вот и весь образ отца.

Рука автоматически дотронулась до розетки электрического звонка, пальцы дважды нажали кнопку. Внутри раздалась слабая трель, оповещающая о приходе позднего гостя. Послышались знакомые шаги, и тревожный женский голос негромко спросил:

– Вам кого?

– Мамуся, это я, Володя, – ответил сын как можно веселее.

Наперегонки защелкали замки и засовы, дверь широко распахнулась, и руки матери, пахнущие ее любимыми цветочными духами, крепко обняли его в прихожей.

– Заходи, заходи, Володенька! Как же я рада тебя видеть, ведь каждый день жду...

Голос Ольги Антоновны дрогнул, но сын уже целовал ее лицо, влажное от набежавших слез. Она, придя в себя от неожиданности встречи, ласковым голосом приговаривала:

– Проходи в комнату, Володенька! Раздевайся, в квартире не холодно. Я вечером протопила печь. У меня и чай вскипячен, руки мой, и пойдем к столу. Да, я не одна дома: у меня соседка в гостях, Наташенька, очень хорошая девушка. Мы с ней сидим, сумерничаем.

Владимир Константинович вошел в комнату и увидел вышедшую из-за стола миловидную голубоглазую девушку с русой косой. Он улыбнулся ей, а она застенчиво поздоровалась и, обращаясь к хозяйке, сказала:

– Я, пожалуй, пойду, Ольга Антоновна, засиделась уже. Поздно. Вы уж простите!

– Ну куда же ты? Сын мой, Володя, приехал. Он человек интересный. Посидим, разговоров-то много у нас. И ты не торопись, идти тебе всего два шага по лестничной площадке.

– Нет-нет, не гневайтесь, Ольга Антоновна! Давно мне уже пора к себе. Будьте здоровы! И вам, Владимир Константинович, всего доброго!

С этими словами девушка накинула на плечи пуховую шаль и вышла. Хозяйка пошла за ней в прихожую, откуда послышался веселый смех, а потом хлопок закрывшейся двери.

Когда Ольга Антоновна вернулась, сын поинтересовался:

– Это что за Наташа, мам?

Мать удивленно откинула голову и всплеснула руками.

– Неужели не помнишь? Она же давно рядом с нами живет. Ты ее симпатичной девчонкой видел, а нынче вовсе в красавицу превратилась. В невесты тебе вполне подходит. Что ты так удивленно смотришь, тебе уже двадцать седьмой год идет, война все равно скоро кончится, это уж и мне понятно. Газеты пишут, что переговоры с германцами о мире идут. Пора, сынок, о семье подумать. Наташенька, кстати, когда я ей в прихожей про жениха-то сказала, не возразила, а только рассмеялась. Хороший признак. Вот так, дружок!

Теперь рассмеяться пришлось сыну:

– Ну, мамуся, за пять минут обоих сосватала! Ладно, жениться я не против...

Последнюю фразу он добавил специально для матери, чтобы не расстраивать. Не рассказывать же ей о своих проблемах на службе!

Они сели к столу и за чаем повели неспешный разговор. Под мягким светом зеленого абажура с кистями, рядом с изразцовыми плитками теплой печи было спокойно на душе, тепло и уютно. В воспоминаниях и рассуждениях мать с сыном засиделись за полночь.

Утром Владимир Константинович надел форму и собрался выходить. Подумал, какие вещи и документы ему могут пригодиться в штабе, но потом махнул рукой и отправился налегке.

Погода с утра стояла безветренная, с легким морозцем. Шагать было легко, в памяти то и дело всплывали обрывки вчерашних разговоров с матерью. Так, вспоминая и улыбаясь воспоминаниям, Тихонов подошел к зданию Адмиралтейства, где его спокойное настроение сменилось напряженным ожиданием. И погода изменилась. Небо потемнело от наплывших облаков, с Финского залива подул сильный ветер, резко похолодало.

Перед входом в штаб топталась такая же, как месяц назад, группа вооруженных матросов при пулемете. Рядом в проезде стоял пустой автомобиль с открытыми кабиной и кузовом. Матросы угрюмыми взглядами проводили входящего в здание лейтенанта. Внутри, как всегда, его встретил дежурный, только на сей раз им оказался не флотский офицер, а гражданский человек. Он был одет в черный пиджак и суконные брюки, заправленные в сапоги. Из-под кожаной фуражки выбивались смоляные, будто цыганские, кудри. Воротник пиджака был изрядно посыпан перхотью. Кареглазый, с тяжелыми мешками под глазами дежурный близоруко взял в руки удостоверение Тихонова, долго читал его, а потом буркнул, что должен сверить личность прибывшего со списком в журнале, лежавшем рядышком на столике под электрической лампой. «Чернявый», как окрестил про себя его Тихонов, водил пальцем по записям в журнале. Видимо, обнаружив то, что искал, хмыкнул, закрыл журнал и, не возвращая удостоверение офицеру, сказал с картавинкой:

– Гражданин Тихонов Владимир Константинович, именем революции вы арестованы!

Сбитый с толку таким приемом, Тихонов возразил:

– Этого не может быть. Меня вызвал в штаб лично комиссар Раскольников для доклада...

«Чернявый», кивая головой, бесстрастно ответил:

– Кто и для чего вас вызвал, мы разберемся.

С этими словами он громко окликнул матросов с улицы и дал им указание:

– Офицера надобно взять под стражу и отвезти в гарнизонную морскую тюрьму для содержания под арестом.

Один из матросов подошел к лейтенанту и весело вскрикнул:

– Нагулялся, вашбродь, и хватить. Теперя посидишь под замком, покуда тебя, контру, не шлепнут!

Другой спросил:

– Оружие при себе имеется?

И стал хлопать по карманам шинели в поисках спрятанного оружия у спокойно стоявшего перед ним офицера.

Через минуту Тихонова грубо толкнули в спину и повели на улицу к автомобилю. Новым толчком показали, что следует забраться в кузов. Охранники в бушлатах залезли следом и расселись вокруг арестованного. Откуда-то прибежал шофер в кожаном обмундировании и в валенках с галошами, машина затрещала запускаемым двигателем, пахнула облаком сизой бензиновой гари и покатила, прыгая на ухабах притоптанного снега.

Тихонов понял, что его повезут на остров Новая Голландия, где находилась Военно-морская исправительная тюрьма. Грузовик быстро пересек Сенатскую площадь и поехал по узкой Галерной. У дворца Бобринских повернул налево и по деревянному мостику, именуемому Тюремным, действительно въехал через канал на остров. Круглое здание тюрьмы из темно-красного кирпича давило своим мощным казенным видом. По площади, уложенной булыжником, машина подъехала к воротам тюрьмы и, едва не задев кирпичную кладку бортами кузова, втиснулась во внутренний двор круглого здания.

Тихонов вместе с арестовавшими его матросами выпрыгнул из кузова. Рядом с машиной появился некий чин из тюремной охраны, тихо переговорил с матросами и повел за собой в здание. Арестанту приказал держать руки за спиной. По тускло освещенному коридору и лестничным пролетам поднялись на третий этаж. Матросы, впечатленные строгостью обстановки, перестали балагурить. В молчании процессия дошла до одной из камер, дверь в которую была открыта. Надзиратель ткнул Тихонова пальцем в грудь и скомандовал:

– Пошел в камеру!

Арестант сделал несколько шагов вперед и услышал, как за спиной хлопнула дверь, а в замке с металлическим скрежетом повернулся ключ.

3

– От тюрьмы да от сумы не зарекайся, – невесело сказал сам себе Тихонов и засунул в карманы руки, которые до сих пор держал за спиной.

С некоторым любопытством он рассмотрел новое жилище. Камера имела чуть более четырех шагов в длину и трех шагов в ширину. В стене напротив двери под потолком светлел зарешеченный квадратик окна. Вдоль одной из длинных стен находилась привинченная к полу узкая железная койка с сеткой из широких железных полос. У ее изголовья стояла табуретка, также намертво прикрепленная к полу. Справа от двери на невысоком цементированном помосте зияла дыра, или по-флотски «очко», отхожего места с подножками и гидравлическим сливным устройством. Рядом к стене были прикручены медная раковина и медный водопроводный кран. Над дверью желтым маслянистым светом, наподобие рыбьего жира, горела лампа под плафоном из толстого стекла за решеткой.

«Конечно, не номер в „Палас-Отеле“, но условия не самые плохие. К тому же здесь не холодно», – подумал узник о своем жилище.

Он снял шинель и фуражку и аккуратно положил их на койку, а сам сел на табурет. Спину и голову прислонил к стене и постарался немного забыться.

Очнулся Тихонов от скрежета ключа, отпирившего дверь. В камеру вошел высокий старик с седыми бакенбардами и седой бородой, раздвоенной, как у генералов на портретах времен взятия Шипки и осады Плевны. Одет он был в видавший виды сюртук чиновника Министерства внутренних дел. Показалось, что от него исходит запах нафталина, когда старик остановился посреди камеры напротив сидевшего арестанта.

– Лейтенант бывшего царского флота Владимир Константинов сын Тихонов, так? – строго и старомодно спросил вошедший.

Владимир Константинович молча кивнул, не вставая.

– Понятно, – удовлетворенно заметил старик и продолжил: – Довожу правила внутреннего распорядка арестантов морской тюрьмы: подъем в 6 утра, утренний чай, работы по указанию администрации, обед, работы по указанию администрации, ужин, время для личных нужд, как то стирка, ремонт одежды, баня раз в неделю, время для написания писем, вечерний чай, отбой в ноль часов. На койке разрешается лежать только ночью, с отбоя до подъема. Вопросы имеются, мил человек?

Тихонов поднялся, сочтя неудобным говорить с пожилым человеком сидя.

– Какие такие работы по указанию администрации должен выполнять арестант? – уточнил он.

Старик словоохотливо ответил:

– Поясняю: на первом этаже здания, выстроенного по образцу английских военных исправительных тюрем, находятся помещения арестантской кухни и пекарни, кочегарка для отопления и арестантская баня. Для поддержания тепла в самом здании и его службах требуется большое количество дров, вот их заготовкой сейчас и занимаются арестанты. Это до войны в нашем единственном в городе круглом здании содержалось до пятисот душ арестантов. Нижних чинов, главным образом. Они днем и в кузне работали, и в столярке, и на заготовке дров... Камеры на втором и третьем этажах на время работ пустовали, арестованные приходили в них к отбою. Но как пошла война с германцем, государь-батюшка распорядился уголовных матросов в тюрьме не держать, а посылать всех на фронт в солдатские роты, кровью свои грехи смывать. У нас почти никого и не осталось. Пленных немецких офицеров привозили. Год назад, когда государя императора с престола прогнали, сразу стали господ флотских офицеров под замок сажать, как вредный для революционного времени элемент, стало быть.

– Сколько сейчас душ по камерам сидит? – решил вставить слово Тихонов.

– Так с тобой, мил человек, едва два десятка и насчитаем. Германские офицеры, моряки да летчики пленные, ждут, когда замирился и освободят их. Ну и наши офицерики, навроде тебя, бедолаги, не знамо чего ждут. Офицерский состав на работы отправлять по закону не велено, но себя обогреть – святое дело. Вот пилят господу бревна. А как без этого? Кстати, тебе, лейтенант, матрас и подушку сейчас принесут, чтобы ночью спать удобно было. Старые правила для офицеров у нас никто не отменял.

– А вы давно здесь служите?

– Считаю, годков сорок, не меньше. Сомов меня зовут, Елпидифор Порфирич, некоторые знакомые меня «Ел-пил-закусывал» называли. Но это по невежеству, ибо не ведали они, что с эллинского языка имечко мое переводится как «приносящий надежду». Так-то, мил человек. Начинать я надзирателем, потом до второго лица дослужился. А год назад начальника тюрьмы, кавторанга Ставского, солдаты и матросы-погромщики убили прямо перед воротами, через которые тебя провезли, мне и пришлось в начальники круглой тюрьмы выходить.

– Почему ее круглой построили?

– Я же тебе, мил человек, объяснял, что по английскому образцу тюрьму возводили без малого сто лет назад. Аккурат после бунта против царя, что на Сенатской площади удушили. Архитектор Военного ведомства по фамилии Штауберт спроектировал здание кольцом, построил и назвал «трехэтажной арестантской башней». Но городской люд в Петербурге прозвал ее на свой лад «Бутылкой». Мол, в Москве есть тюрьма «Бутырка», а в Питере – «Бутылка». Даже присказку придумали: «Не лезь в бутылку!», слышал такую?

– Приходилось, Елпидифор Порфирьевич.

– Так-то, мил человек. А ты не сердчай, что сюда попал. Это тебе не в «Крестах» клопов кормить, и не в Трубецком бастионе, в Петропавловке, с крысами нары делить, прости Гос-

поди. У нас в тюрьме чисто и тихо, потому как спокойные интеллигентные люди свой срок сидят. Тепло. И кормят. Пусть не досыта, но часто. Утром тебе, как на аглицком флоте, хлеб с повидлой принесут и чай. Без сахара, правда, зато горячий. В обед жди похлебку гороховую, в ужин – кашу пшеничную с солониной. И вечерний чай, опять же с хлебом. Небось, ноги-то не протянешь с голодухи. Так-то, мил человек. Ну, сиди-сиди, а я по делам пойду.

Говорливый старик обеими руками распушил бакенбарды и шаркающими шагами вышел в коридор. Дверь за ним лязгнула.

«Хитер дед – соловьем заливается, будто поговорить не с кем. А сам только и поглядывает, как арестант себя ведет, чем на какое слово отзовется, да что сам скажет. Тертый калач: проверяет вверенный ему контингент», – думал Тихонов, оставшийся снова один в тюремном безмолвии. Какое же будущее ему уготовил «приносящий надежду» Елпидифор?

Долгие часы, дни, недели одиночества, потянувшиеся с момента заключения под стражу, предоставили ему прекрасную возможность вспомнить все события, произошедшие в течение 1917 года. Прошлый год промчался вихрем, в его перипетиях некогда было думать, как поступить лучше в той или иной ситуации. И здесь, в одиночной камере, неторопливый анализ шагов, сделанных в непростое для страны время, показал, что он все же действовал правильно. Его наставник по службе полковник Генерального штаба Стрельцов был бы доволен. Школа мудрого Ильи Ивановича сказалась в ученике.

Тихонов вспомнил, как отказывался воспринимать сообщение о том, что буксирный пароход «Ладога», на котором Илья Иванович в последних числах декабря 1916 го да отправился по срочным делам из Ревеля в Петроград, подорвался на всплывшей морской mine в Финском заливе. В это невозможно было поверить, ведь буквально за час до отъезда Стрельцова в ревельский морской порт они сидели в кабинете и подробно обсуждали новые задачи для разведчика-нелегала с псевдонимом «Ферзь», работавшего под их руководством в германской военно-морской базе Либава. Предстояли большие и важные дела, и тут из штаба Балтийского флота вдруг приходит весть, будто бы Стрельцов погиб. Да этого просто не могло быть! Чтобы опытный специалист агентурной службы, не раз выходивший победителем из сложнейших ситуаций, вот так просто взял и утонул в так называемой Маркизовой луже? Ни один разведчик-балтиец не мог позволить себе представить такое развитие событий.

Но в Рождество из Гельсингфорса приехал командующий флотом вице-адмирал Адриан Иванович Непенин и отдал приказ лейтенанту Тихонову возглавить разведывательное отделение вместо погибшего полковника Стрельцова. Вместе с адмиралом появился его помощник, капитан 2-го ранга Иван Иванович Ренгартен, который долго и подробно инструктировал молодого начальника. Своими недвусмысленными действиями командование флотом поставило точку в истории с исчезновением Ильи Ивановича.

Тихонов к тому времени был уже опытным офицером: в разведку в начале войны его направил сам Непенин. С марта 1915 года он состоял в штате разведывательного отделения, которым командовал Стрельцов. За два года вой ны прошли вместе с Ильей Ивановичем, что называется, огонь, воду и медные трубы. Поэтому он прекрасно представлял весь огромный объем работы, которую предстояло выполнять в должности начальника. Но даже в этой круговерти дел он прежде всего постарался выяснить все детали гибели буксирного парохода «Ладога», и через две недели нового года у него появились некоторые зацепки, которые позволяли надеяться на лучшее. Тихонов так и обнадежил убитую горем красавицу Кристину Тамм, близкую знакомую Стрельцова, приехавшую в Ревель. Впрочем, эту историю следовало подробно восстановить в памяти.

В начале февраля Тихонову позвонил военный комендант ревельского морского порта и сообщил, что в комендатуре находится человек, который имеет рекомендации от комфлота и хочет переговорить по личному вопросу. Владимир Константинович подъехал в комендатуру и встретил там женщину, которую немного знал прежде. Это была знакомая полковника Стрель-

цова. Тихонов два раза видел ее в Ревеле: однажды заходил по службе к Илье Ивановичу в пансионат, и дама находилась там, в другой раз увидел ее случайно на улице, когда она шла рядом с полковником.

Женщина была одета в темное пальто и черную шляпку с вуалью. Она попросила Тихонова выйти на улицу и наедине представилась ему как Кристина Тамм, хорошая знакомая Стрельцова. Сообщила, что обратилась в Гельсингфорсе к господину Непенину с просьбой взять себе на память что-нибудь из вещей погибшего. Глаза ее при этом наполнились слезами, но, справившись с волнением, она сказала, что Непенин разрешил ей встретиться в Ревеле с Тихоновым.

Лейтенант предложил даме проехать с ним в пансионат, где Илья Иванович квартировал. Дверь в особняке им открыла пожилая эстонка, хозяйка. Она без лишних слов пригласила пару в квартиру, войдя в которую, Кристина горько разрыдалась. Ее усадили на стул и дали стакан воды, хозяйка при этом сказала как старой знакомой:

– Кристиночка, я пойду и приготовлю кофе.

Оставшийся в комнате Тихонов как мог пытался успокоить безутешную женщину.

– Госпожа Тамм, я прошу вас, перестаньте плакать. Как говорится, слезами горю не поможешь. Лучше послушайте меня, я хочу кое-что сообщить.

– Иезуз Мария, вы что-то знаете о нем? Неужели он не погиб на том корабле?!

– Госпожа Тамм...

– Прошу вас, называйте меня просто Кристина!

– Хорошо, Кристина, хочу сказать вам, что я сам не хочу верить в гибель Ильи Ивановича, слишком дорог мне этот человек. Поэтому я использовал все возможности, чтобы пролить свет на это печальное событие.

– Умоляю, Владимир Константинович, говорите скорее, что вы смогли узнать!

– Так вот, Кристина. Удалось выяснить, что в тех местах, где подорвался пароход «Ладога», нередко рыбачат финские рыбаки. Есть точные сведения, что в тот злополучный вечер несколько рыбацких шаланд отправились в направлении Гогланда на ночной лов. Их заметили с наших постов наблюдения. Поэтому у меня появилась надежда: может быть, какая-то из шаланд находилась рядом с местом трагедии, может, рыбаки кого-нибудь спасли в ту ночь?

– Но если бы спасли, то было бы известно. Должны же они как-то сообщить об этом, ведь прошло больше месяца...

– А вот не скажите, Кристина. Простые рыбаки, вполне возможно, малообразованные люди. По-фински вряд ли пишут и читают, не то что по-русски. Они даже представить себе не могут, куда им обращаться в таком случае. Если спасли живого человека, то по закону моря выхаживают его где-то у себя, пока он не встанет на ноги и сам о себе не подаст весточку.

– Где можно найти этих рыбаков, вам известно?

– Я предполагаю, что их следует искать в прибрежных хуторах в районе Драгсфьорда. Это – юго-западная оконечность Финляндии. На сегодняшний день мне некого туда направить для поисков, я лишь несколько дней назад получил сведения, которые сейчас сообщил вам, Кристина. Постараюсь заняться этим, как позволит обстановка.

В покрасневших от слез глазах женщины зажегся огонек надежды. Она встала, перекрестилась как истинная католичка и решительно заявила:

– Я сделаю все, чтобы найти Стрельцова! Святая Дева Мария поможет мне!

Тихонов взглянул на нее и понял, что с этой минуты она перестала сомневаться в том, что Илья Иванович жив. Впрочем, в этом был уверен и он сам. И дай Бог им не обмануться в этой уверенности!

Кристина со словами благодарности уехала, взяв из квартиры Стрельцова две фотографии, на одной Илья Иванович был снят в военной форме, на другой улыбался в окружении

своих дочерей, а также его никелированные бритвенные приборы и зеркало. Остальные вещи Тихонов отправил посылкой младшей дочери полковника Марии в Петроград по имевшемуся адресу.

Самому же ему продолжить поиски Ильи Ивановича не удалось. Шел 1917 год, обстановка на Балтийском флоте накалялась день ото дня.

4

На зиму корабли флота были рассредоточены по своим базам. В Гельсингфорсе находились 1-я и 2-я бригады линейных кораблей («Севастополь», «Гангут», «Полтава», «Петропавловск», «Цесаревич», «Андрей Первозванный», «Император Павел I» и «Слава»), 2-я бригада крейсеров, отряд надводных минных заградителей, дивизия сторожевых кораблей, 1-й отряд дивизии траления, отряд сетевых заградителей, транспортная флотилия и отряд транспортных судов. Командующий флотом Непенин держал свой штаб на посыльном судне «Кречет».

В Ревеле зимовали 1-я бригада крейсеров, минная дивизия, дивизия подводных лодок (в том числе флотилия английских подводных лодок в составе восьми единиц), 2-й отряд дивизии траления, минные заградители «Волга» и «Урал».

В финском порту Або базировались минный заградитель «Ильмень» и отряд шхерных судов.

С начала января на флоте, как обычно, начался зимний период службы с ее особенностями: отпусками, ремонтами, занятиями, проверками, комиссиями и тому подобное. В этих делах незаметно закончился январь, замелькали дни февраля. Петроград к тому времени оказался объят волнениями жителей из-за нехватки хлеба и других продуктов. Казаки и войска, вызванные властями для наведения порядка, отказались выполнять приказы. Революционеры усилили свое влияние в частях Петроградского гарнизона, активно вели агитационную работу среди экипажей кораблей в Кронштадте и в Гельсингфорсе.

В первых числах марта вспыхнул матросский бунт на линкорах, базировавшихся в Гельсингфорсе. Начались убийства офицеров. Отречение Николая II от престола 2 марта не успокоило бунтующих, а лишь усилило кровопролитие. В ночь с 3 на 4 марта восставшие матросы разоружили офицеров и захватили власть на кораблях главной военно-морской базы. А 4-го предательским выстрелом в спину из толпы матросов был убит уволенный со своего поста Временным правительством командующий флотом вице-адмирал Непенин. Командование было возложено на примкнувшего к революционной массе начальника минной обороны флота Андрея Семеновича Максимова, вице-адмирала, гордо носившего на флотском мундире красный бант.

Выступления матросов на кораблях флота прокатились по всем базам: бунтовали в Ревеле, Або, Аренсбурге, на береговых батареях морских крепостей. Озверевшая толпа жестоко убила более ста офицеров и нескольких адмиралов и генералов, в том числе Небольсина, Вирена, Бутакова.

Восставшие изменили прежние названия линкоров: «Цесаревич» стал называться «Гражданин», «Император Павел I» – «Республика», а «Император Александр II» – «Заря свободы».

Воспоминания об этом тяжком для флота времени свинцовым грузом лежали на сердце Тихонова. По агентурным каналам до него доходили сведения о том, что среди тех, кто поднимал балтийских матросов на бунт против командования, были агенты германской разведки. Он предупреждал Непенина, но тот уже ничего не мог поделать. Летом 17-го полученные ранее агентурные сведения подтвердил в разговоре с Тихоновым один из высших чинов полиции Финляндии. Он рассказал и о том, что первые удары бунтовщиков направлялись конкретно на уничтожение подразделений контрразведки и жандармского управления, то есть тех служб, которые обязаны были пресечь беспорядки и происки иностранной агентуры.

Успокаивало Тихонова лишь то, что ему удалось сохранить жизни всех офицеров разведывательного отделения. После получения сведений о начале расправ над офицерами в Кронштадте и Гельсингфорсе, он откомандировал подчиненных на островные посты радиоперехвата, где служили надежные матросы, не подверженные революционной пропаганде. Сам с проверенными матросами охраны и кондукторами занял позиции по обороне архива разведки от возможных провокаций. Но, что называется, Господь миловал, потому что матросская «буза», прокатившаяся по некоторым крейсерам и эсминцам, отстайвавшимся в Ревеле, была кратковременной и менее кровавой, чем в других местах. Хотя и в Ревеле были жертвы: погибли пять офицеров.

После убийства Непенина новое командование Балтийским флотом не уделяло разведке никакого внимания. Лишь Ренгартен, произведенный в 1917 году в капитаны 1-го ранга, пребывая в должности помощника комфлота, старался привить новым высоким должностным лицам сознание необходимости использовать в боевой службе добытые флотскими офицерами достоверные данные о противнике. Он по-прежнему требовал от начальника разведывательного отделения регулярно готовить и направлять в штаб сводки по обстановке на Балтийском морском театре военных действий. Ренгартена всегда поддерживал флаг-капитан по оперативной части штаба флота капитан 1-го ранга князь Михаил Борисович Черкасский. Из Ревеля от Тихонова сводки регулярно направлялись в штаб: работа офицеров разведывательного отделения не прерывалась ни на минуту, но Владимир Константинович понимал, что ему не на кого опереться в штабе, кроме Ренгартена и Черкасского. Остальные представители командования в это время, которое Тихонов, пользуясь историческими аналогиями, именовал Смутой, решали главным образом собственные вопросы. В военных действиях на море как раз наступило затишье – немец зимой не наседали.

Тихонов выработанным службой чутьем предчувствовал, что надвигается общий коллапс, который разрушит и флот, и разведку. За себя он не переживал – война приучила относиться к жизни философски: сегодня ты живой, а завтра по-всякому может получиться, тяжело ему было представить, как резко может ухудшиться положение агентов, находившихся на задании во вражеском тылу. Эти мужественные люди доверили свои судьбы и жизни офицерам-руководителям, которые убедили их в необходимости встать на путь нелегальной борьбы с врагом, отказаться от своего имени и положения, руководствоваться лишь указаниями, приходившими из разведки флота, полагаться только на ее помощь. Таких людей нельзя бросать на произвол судьбы, надо постараться обеспечить им максимальную поддержку. Чем он мог им помочь в случае резкого ухудшения ситуации? Ведь они предназначались только для агентуры, действовавшей в прифронтовой полосе, и лишь на тот случай, если при наступлении германские войска займут значительную территорию Российской империи и связь с руководством оборвется.

Находившимся на территории Германии и Норвегии глубоко законспирированным агентам «Учителю» и «Фридриху» Тихонов направил указания по переходу на новые условия связи в случае длительного отсутствия сигналов из России.

Для обеспечения деньгами и связью разведчика-нелегала «Ферзя», выполнявшего задачи в германской военно-морской базе Либава, Тихонов решил провести агентурную операцию самостоятельно, не ставя в известность никого из начальства. В июле под прикрытием трех вооруженных офицеров отделения он высадился ночью с подводной лодки «АГ-14» на лесистый берег севернее порта Мемель и замаскировал в известном «Ферзю» месте металлическую шкатулку с немецкими марками, шведскими кронами и золотыми монетами. Эти деньги осенью 1916 года Илья Иванович Стрельцов вытребовал у комфлота Непенина, но использовать их по назначению смог лишь Тихонов и только через год. Выполнив рискованное предприятие, группа разведчиков вернулась на подлодку. Ею командовал старший лейтенант Антоний Николаевич Эссен, единственный сын адмирала Эссена. Как-то в Ревеле случай свел Тихонова

с младшим Эссенем, и офицеры по-настоящему подружились. В один из обыкновенных выходов подлодки с задачами поисковых действий на коммуникациях противника, несения позиционной и дозорной службы на подходах к портам и базам противника в Центральной Балтике бесстрашный командир-подводник согласился выполнить авантюрный план Тихонова. Из похода подводная лодка с разведчиками успешно вернулась в базу, но при следующем выходе в море в сентябре 1917 года «АГ-14» не вернулась, унеся тайну своей гибели на дно Балтийского моря.

Стараниями Тихонова «Ферзь» был обеспечен деньгами и новыми условиями связи, в соответствии с которыми при потере контактов с руководством ему предписывалось самостоятельно связаться с русским военно-морским агентом в Швеции, Норвегии и Дании капитаном 1-го ранга Владимиром Арсеньевичем Сташевским. Для личной встречи давался пароль: «Смотрите, какая тишина над Балтикой...», на который должен прозвучать отзыв: «Эта тишина только мнимая!». Сташевский тоже получил из Гельсингфорса условия связи с неизвестным ему нелегальным разведчиком. Летом 1917 года никто из них, ни «Ферзь», ни Сташевский, ни Тихонов, не мог представить, когда прозвучит фраза нового пароля.

5

Коротая за воспоминаниями время в камере морской тюрьмы, Владимир Константинович не мог найти ответ на вопрос: для чего его арестовали и держат под замком второй месяц? Он понимал, что причина ареста кроется в его жестком ответе революционному командованию в Петрограде на действия по уничтожению агентурной разведки. Но почему его не отдали под суд, почему до сих пор не расправились с ним без суда и следствия, как с другими офицерами, почему никто не предъявляет ему никаких обвинений, почему его даже не вызывают на допросы? Почему, почему, почему? Бесконечные вопросы, на которые ему, разведчику, привыкшему к аналитической работе ума, не удавалось найти ни одного ответа.

И вновь память погрузила лейтенанта в события прошлого года. Временное правительство то и дело меняло на Балтийском флоте командующих. Тасовало их, как шулер карты в новой колоде. «Революционный» вице-адмирал Максимов продержался в должности не более трех месяцев. За полное нежелание использовать боевой флот по прямому назначению в войне на море его отправили в отставку. 1 июня командовать флотом назначили начальника 1-й бригады линейных кораблей контр-адмирала Дмитрия Николаевича Вердеревского, которого через месяц тоже отстранили от должности.

Наконец 7 июля на пост командующего поставили начальника минной дивизии контр-адмирала Александра Владимировича Развозова, при котором флот предпринял усилие вновь стать воюющим объединением. Причины тому имелись весьма веские: в августе проводилась рижская оборонительная операция русской армии, закончившаяся провалом, 21 августа германские войска заняли Ригу. Прибрежный участок зоны ответственности Балтийского флота оказался в угрожающем положении. Развозов понимал, что в ближайшее время германский флот постарается захватить острова Моонзундского архипелага, чтобы вытеснить русские корабли из Рижского залива и запереть в Финском заливе. Тихонов регулярно представлял командующему данные, которые подтверждали опасения Развозова. Один из документов Берлинского Адмиралштаба, добытый разведчиком «Ферзь», объективно свидетельствовал о намерении командования противника:

«Находящийся в Рижском заливе русский флот, хотя и не пребывает в безопасности от угрозы нашего воздушного нападения и подводных лодок, но до настоящего времени был надежно обеспечен от какого-либо воздействия надводных морских сил. Русский флот в состоянии обстреливать огнем своих дальнобойных орудий наше северное крыло, не подвергаясь риску обстрела с нашей стороны. Кроме того, он имеет возможность высаживать десанты в

тылу нашего северного крыла, создавая тем самым угрозу нашей фланговой группе. Уязвимость открытого фланга сухопутного фронта, примыкавшего к морю, где господство было не в наших руках, существовала также и на западе. Там были приняты весьма серьезные меры для обеспечения фланга германского западного фронта во Фландрии. Но на имевшем значительное протяжение побережье Рижского залива подобные меры обеспечения были бы неэффективны. Если угроза северному крылу восточного фронта давала себя сильно чувствовать в течение двух лет, то она отнюдь не уменьшилась после того, как фронт выдвинулся к р. Аа Лифляндская, в связи с чем прибрежный участок удлинился еще больше. Кроме того, было признано целесообразным использовать для подвоза снабжения морем Усть-Двинск, оказавшийся теперь в тылу северного крыла фронта.

Таким образом, для ликвидации угрозы с моря со стороны русских нашему северному флангу необходимо вторгнуться морскими силами в Рижский залив и вытеснить оттуда русский флот. Но чтобы прочно закрыть доступ русским в оба пролива и, что еще важнее, обеспечить через Ирбенский пролив вполне надежную связь с базой флота, необходимо прочно владеть входами в Рижский залив. Для той же цели нужно овладеть Моонзундскими островами».

Учитывая угрозу Ревелю со стороны наступающих германских войск, штаб Балтийского флота распорядился о передислокации разведывательного отделения в Гельсингфорс. Тихонов немедленно выполнил приказ, хотя расставаться с обжитым местом было не по душе. Другой срочной задачей разведывательного отделения стала эвакуация постов радиоперехвата с островов Эзель и Даго, чтобы не подвергать их угрозе захвата.

В операции по эвакуации радиоразведчиков и технического оборудования постов с Моонзундских островов в сентябре 1917 года принимали участие вместе с Тихоновым почти все его подчиненные. В это же самое время германская авиация заметно активизировала бомбардировку артиллерийских батарей и других военных объектов на островах. Во время одного из таких налетов вражеских аэропланов Тихонов получил осколочное ранение в грудь на острове Эзель. Истекающего кровью начальника отделения из-под бомб буквально на руках вынес старший лейтенант Булавин.

Два месяца Владимир Константинович провел на излечении в гарнизонном госпитале Гельсингфорса. Там он узнал о произошедшем в Петрограде октябрьском перевороте и том, что власть в стране перешла в руки революционного правительства во главе с Лениным. Какие последствия для страны сулило это событие, в конце 1917 года можно было только гадать.

Вспоминая прошедшие события, Тихонов шагал по камере, «наматывая» километры в замкнутом пространстве. Когда надоедало, садился на табурет и снова погружался в раздумья. Все чаще в голову ему приходила мысль о том, как бы связаться с Кристиной Тамм, проживавшей в Финляндии, узнать у нее, удалось ли найти рыбаков, которые были свидетелями подрыва парохода «Ладога» на mine и могли спасти людей с гибнущего судна. А может быть, Кристине в поисках требуется помощь? Так или иначе, надо искать Стрельцова в Финляндии. Но как искать, когда сидишь под замком. Наверное, пора думать о побеге?

Долгие размышления узника морской тюрьмы однажды были прерваны звуком открывающегося замка.

В камере появился седобородый Елпидифор Порфирьевич. Старик нередко заходил, чтобы довести до арестанта очередные указания администрации, поэтому Тихонов ничего не спросил, только повернул голову к вошедшему. Но на сей раз начальник тюрьмы принес удивительную новость:

– Ты, вот что, мил человек. Давай-ка скоренько собирайся и марш на выход с вещами! Приехали за тобой...

– Кто приехал, зачем? – угрюмо поинтересовался лейтенант.

– Ну, мне-то почем знать, куда возят вашего брата, душ подневольных. Может, на допрос...

«А может, к стенке», – домыслил про себя Тихонов. Собираться ему было легко: он попал в тюрьму без вещей, без них и выйдет. Ничего ему теперь не нужно.

– Давай-давай, мил человек, иди! Сдам тебя под расписку, и забот мне, старику, меньше.

Тихонов не спеша вышел в коридор, заложил руки за спину и пошел к лестнице, ведущей на первый этаж. За ним шаркал «приносящий надежду» Елпидифор Порфирьевич.

Глава 2. Комиссар Раскольников

1

Под конвоем Тихонов вышел во внутренний двор тюрьмы. И остановился. Как часто бывает в середине апреля, погода в тот день стояла солнечная и безветренная. Под солнышком таяли последние сугробы темного снега, а птицы, облюбовавшие разогретые карнизы железной крыши, своим гомоном подсказывали людям, что весна пришла в город насовсем. Арестант даже зажмурился, слишком ярким ему показался свет весеннего дня после сумрака камеры, которую он покинул.

К действительности его вернул незнакомый голос, в котором звучал вопрос:

– Это вы Тихонов Владимир Константинович?

Лейтенант открыл глаза и увидел перед собой немолодого человека в короткой шоферской куртке из желтой кожи. Около ворот стоял легковой автомобиль. Тихонов молча оглядел шофера и утвердительно кивнул головой. При этом снял форменную фуражку, чтобы лучше чувствовать тепло весеннего дня. Свежий воздух пьянил, со стороны казалось, что вышедший из тюрьмы узник даже немного покачивался. А голос шофера продолжал звучать в ушах:

– Владимир Константинович, товарищ Раскольников приказал привезти вас к нему. Прошу проследовать в автомашину.

– Давно товарищ Раскольников меня ждет. Заждался, поди, – бормотал Тихонов, двигаясь к автомобилю, блестящему лакированными боками.

В машине сидение под ним мягко просело пружинами. Приятно пахло хорошо выделанной кожей. Автомобиль выехал с острова Новая Голландия и промчался по Конногвардейскому бульвару в направлении Исаакиевского собора. Через несколько минут шофер затормозил у здания гостиницы «Астория», или «Петроградской военной гостиницы», как она именовалась в годы войны. Распахнулась задняя дверца, Тихонов вышел и направился внутрь здания, следуя рядом с шофером.

Перед номером на третьем этаже они остановились, шофер постучал. Из-за двери послышалось громкое: «Входите!», шофер открыл дверь и пропустил лейтенанта внутрь. В центре просторной комнаты стоял Раскольников и прямо, с некоторым подобием улыбки смотрел на гостя. Он был широкоплеч и высок, выше Тихонова на целую голову.

– Здравствуй, Владимир! – сказал он как-то запросто, будто и не стояли между ними напряженная встреча в конце минувшего года и тюремное заключение.

– Здравствуй, Федор! – спокойно ответил Тихонов.

Раскольников первый протянул ладонь для рукопожатия, Тихонов ответил ему. Потом они расположились в креслах друг перед другом.

– Ты, должно быть, смотришь на меня и недоумеваешь, что такое происходит, я угадал? – с усмешкой спросил Федор.

Тихонов вместо ответа неопределенно пожал плечами.

– Хорошо, я расскажу тебе, что произошло с того момента, как ты прислал шифровку, в которой в пух и прах громил революционное руководство за ошибки, допущенные в отношении старой разведки Балтийского флота. Органами Всероссийской чрезвычайной комиссии, или просто ВЧК, в течение марта сего года арестованы по обвинению в контрреволюции и саботаже многие морские офицеры, в том числе из состава командования Балтийского флота. Они тебе, вне всякого сомнения, хорошо известны. Незавидная судьба их ожидает. Твоя шифровка попала мне в руки лично. Я прекрасно осознавал, что, попади она какому-нибудь другому комиссару, ты оказался бы в «Крестах» с таким же обвинением, как они. Поэтому мне,

хорошо тебя знающему и понимающему, что своей шифровкой ты не собирався нанести вред Советской власти, пришла в голову оригинальная идея. Тебя следовало на время упрятать с глаз долой, чтобы ты не оказался в числе врагов. В штабе Балтики ты был на виду, искали бы, даже если б стал скрываться. Поэтому я решил спрятать тебя там, где искать не станут, и отправил в морскую тюрьму пересидеть смутное время. И, что не маловажно, в ней сидеть не так уж плохо. Этот вопрос я изучал летом 17-го при Временном правительстве, так сказать, на собственной шкуре. Таким образом, товарищ моих детских лет, я отплатил добром за то, что ты как-то спас меня, когда я пацаном чуть не потонул на купании в Суздальском озере. Теперь мы квиты, не так ли?

Владимир Константинович, выслушавший неожиданные откровения своего бывшего соседа, а ныне революционного комиссара, от удивления не мог подобрать нужных слов, поэтому продолжал сидеть молча.

Раскольников оказался нетерпелив и переспросил:

– Ну, что же ты молчишь, сосед?

Тихонов, тщательно обдумывая фразу, ответил:

– Федор! Час назад я сидел в тюремной камере и гадал, какая участь меня ждет в ближайшем будущем. Всем известно, что в тюрьму от хорошей жизни не попадают. Так что мысли-то у меня не больно веселые были, можешь себе представить. И вдруг я приезжаю в гостиницу «Астория», в шикарный номер, и узнаю от тебя такие вещи, которые у меня даже в голове не могут сразу уложиться. Так что уж извини за молчание – мне надо прийти в себя и начать соображать как следует.

Реплику собеседника комиссар понял по-своему. Он встал, подошел к массивному буфету, вынул из него пузатую бутылку темно-зеленого стекла и поставил на круглый стол у окна. Потом присоединил к бутылке хрустальные рюмки и блюдо с нарезанным лимоном. Подумал и добавил увесистое блюдо с ломтиками хлеба, намазанными аппетитным печеночным паштетом.

– Подходи, сосед, к столу. Немного выпьем и закусим, чтобы мыслям в голове легче было уложиться.

Тихонов слабо улыбнулся и, покачивая головой, сказал:

– Да, собственно говоря, я не об том вел речь...

Раскольников сделал рукой приглашающий жест, наполнил рюмки и добавил:

– Подходи, подходи! Не чинись!

Гость подошел и посмотрел на этикетку бутылки. Французское название «Martell» подсказало, что на столе у революционного комиссара стоит лучший французский коньяк. «Интересно, как насчет пресловутого аскетизма революционеров?» – с иронией подумал он, вдыхая аромат изысканного напитка, который отчасти можно сравнить с тонким ароматом дорогих духов.

Они подняли рюмки, Федор сказал:

– Будем здоровы!

Маленькими глотками Тихонов выпил коньяк, вкус его еще держался во рту, а струйки солнечной жидкости, казалось, уже растеклись по голове, груди, рукам и ногам. Хотелось спокойно насладиться этим ощущением. Но Раскольников, осушивший рюмку одним глотком, наполнил следующую и спросил:

– Мать-то как, жива-здоровая?

– В феврале мы виделись, не жаловалась вроде...

– А моя что-то прихварывает. Давай за них, хорошие они у нас!

И вторую рюмку он опрокинул одним махом, но заметив, что гость только пригубил, высказался укоризненно:

– Ну что же ты, за мать следовало бы до дна выпить.

– У меня с первой в голове зашумело. Морская тюрьма, знаешь ли, не курорт.

– Ладно, ладно! Вот поешь бутербродов. Свежие совсем, утром из ресторана принесли. Не пьяней. Мне с тобой важный вопрос нужно обсудить.

Комиссар выпил вдогонку третью рюмку и тоже взялся за бутерброды. Между делом вызвал прислугу и заказал крепкого чаю в номер.

Прожевав, он официальным тоном сообщил:

– Теперь слушай! Старого флота более не существует. Штаб Балтийского флота, в котором ты служил, ликвидирован. Офицеры, состоявшие в его штате, отправлены в отставку. Сейчас формируется новый флот, рабоче-крестьянский, но многие морские офицеры высказали намерение снова поступить на флот в качестве опытных военных специалистов. Сам-то ты, Владимир, чем намерен заниматься в будущем?

Тихонов подумал и ответил прямо:

– Я, кроме флотской службы, ничем в жизни не занимался. Хотя, мог бы, наверное, пойти учительствовать, астрономии детей учить. Но лучше все же вернуться на флот, если мои способности, как специалиста, окажутся востребованы.

– Считаю, что ты высказался политически верно и дальновидно. Флоту ты понадобишься в ближайшее время. Более того, я обязан сообщить тебе следующее. Месяц назад, в марте, советское правительство в полном составе переехало из Петрограда в Москву. Да-да, не делай удивленное лицо. Этот факт – свершившийся, столица страны теперь вернулась в Белокаменную. Я назначен заместителем народного комиссара по морским делам. Создаю свой штаб, и мне требуется надежный и опытный специалист по военно-морской разведке. Должность как раз для тебя, согласен?

– Хорошо, Федор, я согласен, будь по-твоему. Но дай мне немного отдохнуть, побыть дома, начать соображать. Четыре года я провел на войне без отпуска. Ранен был в сентябре прошлого года, потом в политику попал нежданно-негаданно, в тюрьме сидел. Надо перерыв сделать небольшой. В общем, товарищ комиссар, нуждаюсь в непродолжительном отпуске по состоянию здоровья.

– Добро, даю тебе месяц. Находишься дома в Петрограде. В Москву вызову телеграммой. Давай, товарищ Тихонов, еще по одной выпьем за твое назначение.

Новый глоток коньяка неожиданно просветлил голову, Тихонов почувствовал себя гораздо лучше, чем в начале встречи с Раскольниковым. Да и жизнь после конкретного предложения начала обретать перспективы.

Федор вдруг заявил, что ему срочно требуется подготовиться к важному совещанию, и отправил гостя на своей машине домой в Финский переулок. Меньше чем через час после разговора в гостинице Владимир Константинович сидел у себя и беседовал с матерью.

Первым делом он объявил, что приехал в отпуск и останется дома надолго. Обрадованная Ольга Антоновна решила приготовить на стол, но сын остановил ее, потому что с дороги (про тюрьму говорить не стал) непременно хочет помыться в бане. Мать подсказала, что Финляндские бани, которые у них по соседству, в девятом доме, сейчас работают, можно сходить туда. Быстро собрала узелок с чистым бельем, сунула в него кусочек мыла и отправила долгожданного гостя мыться.

После бани, наслаждаясь собственной чистотой и спокойной беседой с матерью, сын ел и нахваливал ее обед, а потом, усадив хлопотунью за стол, собственноручно занялся самоваром. Ольга Антоновна при этом расстроено сообщила, что у нее совсем не осталось чайной заварки, которую по нынешним временам не купить ни в одной лавке. Зато вспомнила и достала из полотняных мешочков пучки с высушенным летним сбором и заварила такой душистый травяной чай с малиной, какого сын не пил с самого детства.

Тихонов, обливаясь потом, пил стакан за стаканом и пребывал в состоянии легкой эйфории, что после приключений, выпавших на его долю, было совсем не удивительно.

Ольга Антоновна, радуясь, что сын слушает, говорила о насущном. О том, что деньги в стране потеряли всякую ценность, хотя другой измерительной единицы нет: фунт хлеба в вольной продаже стоит 1200–1500 рублей, значит, прежняя копейка равна 700 рублям. Но это не совсем так, убедительно взглянула мать на сына, ведь дрова, которые стоили четыре-пять рублей, продают по 75 тысяч рублей за сажень. То есть прежняя копейка равна 150 рублям, закончила она простой подсчет. Сын слушал и молчал, не зная, как ей ответить, тогда Ольга Антоновна взглянула на часы, пробившие семь вечера, как бы ненароком спросила:

– Володенька, может нам Наташу, соседку, пригласить к чаю? Она уже с работы пришла...
Сын возражать не стал.

2

Через неделю домашнего отдыха Владимир Константинович вынужден был себе признать, что симпатичная соседка Наташа занимала все больше места в его молодой холостяцкой жизни. Ему нравилось разговаривать с ней, отвечать на ее вопросы, глядя при этом в синь ее больших глаз, на мягкий овал лица и подбородок с едва заметной ямочкой. Ее привычка перебрасывать тяжелую русую косу с одного плеча на другое, казалась ему довольно милой. Двадцатилетняя Наташа была начитанной и хорошо воспитанной девушкой, при этом скромной, порой до застенчивости.

Поначалу она заходила лишь на несколько минут, когда ее звала в гости Ольга Антоновна. Потом он сам стал приглашать ее чаевничать или поиграть вечером в лото, тогда девушка задерживалась у них дольше. Тихонов знал, что Наташа, по фамилии Устьянцева, живет в своей квартире в основном одна: ее родители-железнодорожники откомандированы начальством куда-то за Любань, где отец служил начальником станции. По делам службы отец очень занят, в Петроград приезжать не мог даже ненадолго, ждал возможности поехать в отпуск, но начальство и дела не отпускали. Мать безотлучно жила с ним. Чтобы не смущать девушку, Тихонов старался не задерживаться у нее дома, когда заходил с каким-то вопросом.

В выходной день Наташа согласилась пойти погулять. Молодые люди оживленно разговаривали и неторопливо шли к Неве. На середине Литейного моста остановились и с высоты наблюдали, как река собирается освободиться от тяжелого ледяного панциря. Потемневший к середине весны лед местами трескался, его поверхность покрывал ноздреватый, выжженный солнцем снег, а кое-где сквозь трещины наверх проступала вода, лужами растекаясь над ледяной толщей. Натоптанные за зиму на льду тропинки, проложенные прямым путем от одного берега до другого, тонули в этих лужах. Еще несколько солнечных и ветреных дней, и мощные невисские воды унесут изломанные куски льда вместе с зимним мусором в устье и дальше в залив, а потом, высвободившись из тесноты, потекут спокойно и величаво, принося в город тепло и чистоту.

В воздухе пахло обновлением: чувствовалось, что на смену уходящей надоевшей зиме спешит молодая, словно новая жизнь, полная сил весна. Настроение Тихонова и его спутницы оказалось созвучным явлениям природы, молодые люди предчувствовали, что вот-вот и у них начнется в жизни что-то новое, хотя еще боялись признаться в этом друг другу.

С моста они вышли на Литейный проспект, дошли до «Паризианы» и обнаружили, что кинематограф работает. Постояли в очереди за билетами и были вознаграждены сеансом смешной комедии. Сели в конце зала и, когда выключили свет, Тихонов взял ладошку девушки в свою крепкую ладонь. Наташа откликнулась легким пожатием пальцев. Этого было достаточно, чтобы чувствовать себя на седьмом небе. Потом они гуляли по Невскому, по Садовой и говорили, говорили, говорили...

– Володя, я выросла в деревне, хотя с рождения считаюсь городской. Отец служил на железнодорожных станциях дистанции пути за Любанью. Больше всего ему нравилось,

когда семья на лето останавливалась в деревне Померанье. Вы не слышали о такой, а я вам сообщу интересный факт: как моряк вы должны знать художника-мариниста Боголюбова. Так вот, Алексей Петрович Боголюбов родился именно в Померанье. Столь странное название у деревни возникло со времен императрицы Екатерины Великой, которая разрешила устроить там немецкую колонию, заселенную выходцами из германской земли Померания. Изумительные там места: поля, леса, речки. Летом по грибы-ягоды с подружками ходили, купались в пруду, зимой на салазках катались с ребятней. А иногда папа сажал нас с мамой на тройку, сам за возницу и катал по окрестностям. Вспоминаю Померанье, как чудесную сказку в своей жизни.

– Наташа, а когда вы в город переехали?

– Когда мне время подошло учиться, тогда и переехали. Мне десятый год шел. Родители отдали меня в частную женскую гимназию, и с этого времени мы только летом могли выбираться в Померанье. И то ненадолго. Папа в то время на Николаевском вокзале работал. Нам его начальство служебную квартиру выделило, где я сейчас живу. После учебы в гимназии пошла работать машинисткой-делопроизводителем в почтовую контору Финляндского вокзала. Работа как работа. Скучно, правда. Зато хороший продовольственный паек дают. А мечта у меня такая: хотелось бы поступить в институт путей сообщения и выучиться на инженера-железнодорожника. Да вот беда, девушек туда не принимают. Может быть, при новой власти будут принимать, как вы считаете?

Тихонов уклончиво сказал, мол, время покажет. Потом рассказывал, как сам учился в Морском корпусе, как стал офицером и попал служить на Балтийский флот. Наташа слушала своего спутника с большим интересом, несколько раз хотела задать вопрос, уточнить что-то, но стеснялась.

Так, ничего не замечая вокруг, они перешли по Троицкому мосту на Петроградскую сторону, а потом вернулись к своему дому. И долго стояли во дворе, прощаясь, словно перед долгой разлукой. Уходить первым никому не хотелось.

Дома Ольга Антоновна с улыбкой спросила сына:

– Ну что, герой-моряк, сделал предложение невесте?

Тот удивленно вскинул брови:

– Ну какое предложение, мамуся? Мы ведь первый раз гулять вдвоем пошли...

Мать упорно гнула свою линию:

– Володенька, я ведь к тому, что время бежит быстро. Вторая неделя твоего отпуска пошла. Скоро половина будет. А как вызовут тебя на службу? Что же, Наташенька и останется одна – ни жена, ни невеста? Ты же видишь, она хорошая скромная девушка, нравится тебе. И ты ей нравишься, я знаю наверняка. Чего же еще надо? Давай-ка, дружок, решай по-военному: делай девушке предложение! Обвенчаться успеете до твоего отъезда и свадебку скромную по нынешним временам справить, а потом жена она тебе будет. И тут уж, дело известное, жена за мужем, как нитка за иголкой. Детки, глядишь, у вас пойдут. Я хоть на старости лет с внуком иль с внучкой понянчусь.

Сын, удивленный решительным настроем матери, не стал продолжать сложный разговор, а оделся и вышел остудиться под невшким ветерком и поразмыслить. Дошел до Сампсониевского моста, иззяб от порывов холодного вечернего ветра и поспешил домой, рассуждая про себя, что мать все же права. Наташа действительно очень хорошая девушка, к тому же красивая. Наверное, надо жениться, в самом деле. С такой мыслью пришел домой и сообщил о своем решении.

В дальнейшем события развивались, как в военной операции, где войсками командовала Ольга Антоновна. Следующим вечером она пригласила Наташу в гости. Как обычно сели пить чай и разговаривать о том о сем. Потом мать незаметно подтолкнула сына под столом. Тихонов понимающе улыбнулся, кивнул головой, а потом встал и без какого-либо пафоса просто сказал:

– Наташа, вы мне очень нравитесь, я прошу вас стать моей женой. Точнее, как говорили в прежние годы, предлагаю вам руку и сердце!

Наташа растеряно поднялась из-за стола и испуганно замолчала. Лицо ее приобрело пунцовый цвет. Сцепив ладони на груди, она напряженно смотрела на Тихонова, как будто ждала от него какой-то поддержки. Но тот и сам замолчал, расстроено думая, что неожиданным предложением, должно быть, смутил бедную девушку, она сейчас убежит, расплачется. В общем, выйдет скандал вместо свадьбы...

В этот критический момент на помощь молодым пришла мудрая Ольга Антоновна. Она подошла к девушке, по-матерински обняла и тихо спросила:

– Ну что же ты, Наташенька, замолчала? Тебе Володя предложение сделал. Ведь ты – человек взрослый, самостоятельный, пора и тебе о замужестве думать. Времена нынче лихие, вдвоем-то их пережить легче, чем в одиночестве. Может, он не люб тебе, да ты не согласна?

Наташа повернула к ней лицо, глаза у девушки были «на мокром месте». Но она вздохнула и решительно прошептала:

– Я согласна. Только папу с мамой спросить по закону надо...

После этого она закрыла лицо ладонями и уткнулась в плечо соседки. Растроганная Ольга Антоновна стала гладить девушку по спине, что-то шептать, стараясь успокоить. Усадила на стул и посмотрела на сына, который продолжал стоять и со смущенной улыбкой взирать на происходящее.

– А ты, сынок, что столбом-то стоишь, прости уж мать за такое сравнение. Сбил с толку девушку предложением, надо теперь ее успокоить, чтобы все по-людски было, – назидательно произнесла мать.

Сын вышел в другую комнату и возвратился с букетиком первых весенних цветов, которые утром купил у цветочницы на привокзальной площади, и серебряным колечком, припасенным для такого случая запасливой Ольгой Антоновной. Знаки внимания произвели на девушку должное впечатление, она немного успокоилась, хотя сидела, не поднимая глаз. Жених подошел и сел рядом, взяв ее за руку. Ольга Антоновна вошла в роль «главнокомандующего» и держала речь:

– Раз вы, дорогие мои молодые, сговорились, то будем думать, что делать дальше. Как говорится, жених с невестой рядком, честным пирком да за свадебку. Через десять дней, пятого мая, – у нас Пасха. Венчаться после праздника надо. Времени остается не так уж много, а дел – всех не переделать! Во-первых, надо вам, Наташа и Володя, съездить к ее родителям, сказать о своем решении, по обычаю попросить благословения. Не думаю, чтобы они были против. Вы оба – православные, молодые, самостоятельные, что сейчас важно. Одним словом, хорошая пара! А когда приедете, сходим в наш Сампсониевский собор, договоримся, чтобы обвенчали вас сразу после Пасхи. Потом предлагаю посидеть у нас: комната эта – большая, хотя шуметь в наши дни не принято, значит, и гостей много не позовешь. О гостях следует подумать заблаговременно, пригласить, узнать, кто сможет прийти. Наташеньке платье готовить нужно. Володе в морской форме можно быть, она сейчас без погон, как раз словно жених во фраке выглядеть будешь.

Тихонов взглянул на невесту, она подняла глаза и внимательно слушала. Чувствовалось, что тема подготовки к свадьбе ей оказалась явно интересной. На душе у него стало спокойнее.

Наташа упросила начальство на работе, чтобы ей дали несколько дней отпуска в связи с предстоящей свадьбой. В первый свободный день Наташа через знакомства на Николаевском вокзале выхлопотала проездные документы до станции «Любань» для себя и жениха. Вдвоем они поехали к Устьянцевым-старшим просить отца с матерью благословить на вступление в брак. Как предполагала Ольга Антоновна, родители не стали противиться свадьбе единственной дочери. Они считали дочь взрослой, самостоятельной и одобрили ее выбор. Тем более что избранник дочери оказался человеком серьезным, образованным и благородного происхожде-

ния. Отец Наташи на свадьбе присутствовать не имел возможности из-за своей занятости, а мать быстро собралась и охотно отправилась в Петроград, чтобы находиться рядом с дочкой в самый ответственный момент ее жизни.

В городе все участвовавшие в подготовке к свадьбе занялись разными делами: Ольга Антоновна договорилась о времени венчания в соборе, Наташа с мамой скрылись у себя дома и что-то мастерили, Тихонов заказал в винной лавке Антонины Васильевны Ильиной, матери Раскольникова, немного вина для гостей и произвел обход торговавших рынков в поисках съестных припасов на праздничный стол.

В конце первой недели мая подготовка завершилась. Настроение у всех было приподнятым, его не смогли испортить даже капризы непредсказуемой питерской погоды: сразу после Пасхи похолодало, небо затянулось темными тучами, казалось, вот-вот среди вешнего дня пойдет снег.

С утра жених вызвал извозчика к дому и пошел позвать невесту. Когда дверь в соседнюю квартиру открылась, он замер на пороге, удивленный перемене, произошедшей с Наташей. Вместо девушки-скромницы в дверях стояла красавица-невеста в торжественном белом платье, белых ботиночках на каблуках и белых перчатках. Наряд венчала белая шляпка, украшенная цветами. Накинув на плечи шубу для тепла, Наташа в сопровождении мамы вышла и под руку с женихом спустилась по лестнице.

Позже молодые говорили, что все последующие события запомнились им будто со стороны, подобно сеансу в кинематографе. Во время обряда венчания в Сампсониевском соборе Наташа пыталась сосредоточиться на словах священника, а стоявший рядом Тихонов внимательно рассматривал золотой алтарь, подлинное произведение искусства. Поздравления гостей казались им каким-то хором голосов. Из храма гости, коих было немного, незаметно оказались за праздничным столом в квартире Тихоновых. Обе матери, Антонина Васильевна Ильина, которую пригласил жених, кузен невесты, студент-медик, и супружеская чета соседей желали мужу и жене счастливого будущего, любви и согласия да деток побольше. Откликаясь на возгласы «Горько!», они вставали и скромно целовались.

Разговоры за столом затянулись, за окном смеркалось, когда гости вслед за родителями потихоньку стали собираться. Ольга Антоновна отправилась ночевать к сватье, а молодые наконец остались одни.

3

Их медовый месяц продолжался уже несколько дней. Жили в квартире у Наташи, мама ее на следующий день после свадьбы уехала к отцу, а опустевшие комнаты заняли молодые супруги.

Жена рано утром убегала на работу, а муж-отпускник выбирался из постели, пил чай и шел к матери. Читал за столом лежавшие стопкой новые советские газеты «Наш век», «Красная газета», «Северная коммуна», отвечал на ее вопросы, сам пытался размышлять над происходившими событиями. Больше всего его беспокоила ситуация с отправкой бывших пленных чехословаков по железной дороге на Дальний Восток. Шестьдесят с лишним железнодорожных составов растянулись по губерниям России от центра до самого Тихого океана.

Чехословаки, опытные воины, представляли собой реальную боевую силу, которая способна выступить против новой власти страны. Чехословацкий корпус, в который входили бригады, батальоны и роты военнопленных австро-венгерской армии, был создан в интересах Антанты и на ее деньги. В конце марта 18-го, когда из-за опасности столкновения с наступающими германскими войсками командование корпуса отменило решение о возвращении в Западную Европу через порт Архангельск, бывшие военнопленные погрузились в железнодорожные составы и отправились в порт Владивосток. В мае головные эшелоны прикатили на

дальнюю окраину России, а хвост этого «стального змея» все шевелился на берегах Волги, в Самаре.

– И что ты, Володенька, об этом думаешь? – тревожно спросила Ольга Антоновна сына, читавшего вслух статью.

Тихонов отложил газету в сторону, оперся локтями о стол и задумчиво произнес:

– А то, мамуся, и думаю, что вряд ли Англия упустит удобный случай устроить в России очередную смуту. Чехословаки хорошо вооружены, а в сложной и взрывоопасной обстановке винтовки с пулеметами обязательно начнут стрелять. Уж кто-нибудь да постарается поднести фитиль к бочке с порохом!

– Что же это, значит, братья-славяне на русских людей руку поднимут?

– Мама, что там братья-славяне, когда на Дону уже русские с русскими бьются смертным боем, кровью умываются. Читала ведь про бои с атаманом Красновым?

Мать в ответ только вздохнула.

Другой занозой, застрявшей в мозгу, была мысль о поисках Стрельцова в Финляндии, о Кристине Тамм, которая могла что-то сделать для прояснения загадки, и о том, что ему, офицеру агентурной разведки, выполнявшему многие сложные задачи, на сегодняшний день ничего не удастся сделать для поисков бывшего начальника. В Финляндию пришли немецкие войска, недавно оккупировавшие эту часть бывшей Российской империи. Советская Россия закрыла на это глаза, и Тихонову оставалось только скрежетать зубами от собственной беспомощности.

В воскресенье у Наташи был выходной день, и молодожены с утра долго не поднимались из постели, что-то обсуждая, смеясь и бесконечно обнимаясь. Наконец жена решительно выбралась из-под одеяла, одернула ночную сорочку, накинула халат поверх и заспешила на кухню разжечь керосинку, чтобы вскипятить чайник.

Тихонов в который раз подумал, какая же молодчина его супруга, потом тоже спустил ноги на пол, неторопливо оделся и пошел умываться. Возле стола неаккуратно зацепил ногой стул, который стоял пододвинутым к проходу. Со стула на пол посыпалась какая-то одежда, и он наклонился собрать рассыпанные предметы. Это оказалось выстиранное белье жены, и Тихонов, привыкший за годы войны к холостяцкому одиночеству, с некоторым смущением от непреднамеренного вторжения в чужой мир поднимал с пола и раскладывал на стуле кружевные панталончики, рубашечки с бантиками, лифчики, чулки и прочие дамские принадлежности. За этим делом его застала вошедшая в комнату Наташа. Она всплеснула руками и тоже смущенно запричитала:

– Ой, батюшки, все сейчас сама подниму. Прости, Володенька, это я выстиранное белье погладить собралась с утра пораньше, да и прособиралась. После завтрака поглажу, ты не будешь против?

– Ну о чем ты, милая? – пожал плечами муж и отправился на кухню к умывальнику.

Однако после завтрака их отвлекли от домашних дел другие события. В дверь позвонили. Тихонов вышел и увидел на площадке посыльного из почтового отделения. Видимо, он поднялся по лестнице бегом, поэтому задохнулся и некоторое время стоял молча.

– Что стряслось? – спросил удивленно Тихонов.

– Телеграмма товарищу Тихонову, – переведа дух, сообщил посыльный. И тут же добавил тревожным шепотом – Правительственная!

– Давай посмотрим эту правительственную, – протянул руку Владимир Константинович.

– Так мне документик требуется, что товарищ Тихонов – вы и есть.

– Вот тебе документ.

Посыльный, послунявив химический карандаш, записал на листочке имя и фамилию адресата, номер его документа и только тогда отдал ему в руки заклеенный бланк телеграммы.

Из комнаты послышался голос Наташи:

– Володенька, кто это пришел?

Увидев, что муж распечатывает бланк телеграммы, она замерла. Тихонов положил бланк на стол, на желтоватом листе большими буквами темнели слова «Правительственная телеграмма».

Они вместе прочитали текст:

«Товарищу Тихонову надлежит 25 мая прибыть в Москву на Воздвиженку дом 9 в Морской штаб. Раскольников».

Также вместе взглянули на висевший у дверного косяка отрывной календарь. Наташа подошла к нему и сорвала листок вчерашнего дня. Сегодня было воскресенье 19 мая.

Вдвоем они отправились на Николаевский вокзал покупать билет на поезд до Москвы. Сойдя с трамвая на Знаменской площади, они закружились среди множества людей, по делу и без дела сновавших возле здания вокзала. Неожиданно внимание Тихонова привлек человек в пальто с поднятым воротником и черном картузе, надвинутом по самые брови. Они поравнялись, и Владимир Константинович признал в незнакомце старшего лейтенанта Иванова-четвертого, офицера Штаба Балтийского флота. Тот тоже узнал сослуживца. Сдержанно поздоровались, Тихонов представил жену.

Иванов-четвертый вдруг зло произнес:

– Женился, значит, Тихонов? Медовый месяц гуляешь? За юбкой прятаться решили-с, господин лейтенант? А Россию кто защищать будет? Сейчас на Дону решается ее судьба. Ты же офицер, войну прошел. Десятки наших уже там. Неужели тебе безразлично?

Тихонов прищурил глаза и собрался ответить резкостью на резкость, но неожиданно рядом прозвучал взволнованный голос Наташи:

– А разве защитить мать и жену не долг офицера? Разве не с них у каждого начинается своя Россия?

Опешивший Иванов-четвертый вновь спрятал лицо за воротником, раздраженно отмахнулся от супругов и быстро ушел прочь, растворившись в толпе.

Тихонов внимательно посмотрел на жену и подумал, насколько она оказалась права и в двух фразах выразила то, о чем он долго раздумывал. Именно они, его мать и Наташа, и есть сейчас его Россия, это их он будет защищать, когда придется сражаться. Он прижал жену к себе и поцеловал, не замечая идущих рядом прохожих.

Через несколько дней Тихонов оказался в Москве. От Каланчевки до Воздвиженки добрался на неторопливом трамвайчике, беспрестанно тренькавшим охрипшим звонком. Нашел нужный номер дома – это оказалось угловое длинное здание с двумя этажами высоких оконных проемов и купольной башенкой во главе угла.

Теперь, стало быть, такой будет Морской генеральный штаб, подумал Тихонов. Увидев охрану и дежурного на входе, понял, что внешних изменений немного. Дежурный прочитал документы и спросил:

– Вы к Беренсу пойдете?

– Вызов подписан Раскольниковым, полагаю, надо к нему сначала, – уточнил Тихонов.

Дежурный почесал затылок карандашом и с сомнением сказал:

– Товарища Раскольникова вам придется долго ждать, он больше в Кремле находится, чем здесь. Ладно, отправлю вас к его адъютанту, там разберетесь!

Это было неудивительно. Удивительное началось дальше.

Тихонов открыл дверь с табличкой «Тов. Раскольников Ф.Ф.», вошел в кабинет и... застыл. Прозвучал властный женский голос:

– Что вы стоите в дверях?! Башмаки к полу прилипли? Проходите в кабинет, если вам сюда.

Из-за стола в ореоле света электрической лампы вышла высокая женщина с каштановыми волосами, уложенными в прическу. От висков заплетенные косы служили изящным обрамле-

нием точеного лица с выразительными глазами и иронично улыбающимися губами. Одетая дама была так, будто собиралась в театральную ложу, а не на работу в казенном учреждении. На ней прекрасно смотрелось светло-коричневое шерстяное платье свободного покроя с тонким ремешком на талии, с воротником и манжетами из темного кружева. Тихонову показалось, что он ее когда-то видел, поэтому вежливо представился:

– Тихонов. Вызван телеграммой из Петрограда к товарищу Раскольникову. Дежурный по штабу сообщил мне, что можно доложить его адъютанту.

Красавица вновь улыбнулась и ответила:

– Я и есть тот самый адъютант! Моя фамилия Рейснер. Осведомлена о вашем приезде. Товарищ Раскольников скоро будет. Вот вам мандат, подписанный председателем Революционного военного совета Львом Давидовичем Троцким. Ступайте в финотдел и продотдел, оформляйтесь как работник Морского штаба, получайте денежное довольствие, карточки на паек и промтовары. Пропуск в штаб не забудьте получить в канцелярии. И возвращайтесь работать, ваше рабочее место здесь, за большим столом у окна.

Тихонов вспомнил, что именно эту амазонку он удивленно разглядывал полгода назад в коридорах Адмиралтейства в Петрограде. Комиссар Балтики! В глазах ее заметно отражалось любопытство: с нескрываемым интересом дама смотрела на стройного светловолосого флотского офицера в отутюженных брюках и кителе, из-под рукавов которого выглядывали накрахмаленные манжеты. Ее впечатлило, что офицер без тени робости прошел по незнакомому кабинету начальника, остановился у нового рабочего стола, мельком оглядел бумаги, лежавшие на нем, поставил на пол походный чемоданчик и без слов вышел из кабинета, чтобы выполнить полученные указания. Рейснер лишь удивленно покачала головой вслед с той же улыбкой: обычно новички в кабинете заместителя народного комиссара по морским делам ведут себя более сдержанно. Видно, этот моряк из Петрограда не робкого десятка, к тому же оказался красавчиком!

Когда Тихонов оформил все документы и вернулся в кабинет Расколькова, хозяин оказался на месте. С озабоченным видом он разговаривал с Рейснер, но прервал разговор и поздоровался с вошедшим:

– Рад тебя видеть, товарищ Тихонов! Хорошо, что ты приехал без задержки. Сейчас у нас с этим беда: вызываешь человека, а он либо опаздывает, либо вообще не появляется. А дел для всех много, рук не хватает. Не стану вдаваться в подробности, скоро сам все поймешь. Товарищ Рейснер показала, где ты будешь работать? Хорошо, так что садись и начинай без промедления. На столе лежат сообщения представителей Советской власти из разных частей страны. Тебе следует их изучить и сделать выводы по наиболее опасным для нас направлениям. Прделанную работу нужно оформить в виде справок для доклада товарищу Ленину и товарищу Троцкому. Они, конечно, получают данные из других органов, из ВЧК, например, или из Полевого штаба Красной Армии. Но флот, по моему мнению, должен иметь собственный взгляд на обстановку в стране. Особо следует отметить те места, где потребуются действия моряков. Какие у тебя есть вопросы?

– У меня вопрос один. Я недавно женился, – при этих словах Тихонов машинально взглянул на Рейснер. – Поэтому мне нужно знать, как будет обстоять дело с жильем. Хочу привезти жену в Москву.

Раскольников ответил:

– На первый случай получишь место в нашем общежитии, оно находится в этом здании на первом этаже. Немного погодя будем решать вопрос о предоставлении отдельных комнат работникам наркомата в жилом фонде Москвы. Тогда и ты получишь жилье, чтобы перевезти супругу из Петрограда в Москву. Устраивает?

Тихонов кивнул, сел за свой стол и погрузился в чтение.

Через несколько дней появились две справки, в одной из которых на основании имеющихся сведений о начале вооруженного мятежа частей чехословацкого корпуса в Челябинске и в других местах от Пензы до Омска был сделан логичный вывод. Он писал, что наиболее организованным и опасным станет выступление чехословаков на Средней Волге в районе Самары, поскольку именно там, практически в сердце России, они могли бы нанести наибольший ущерб Советской власти. Для вооруженного противостояния мятежникам, помимо сухопутных частей Красной Армии, необходимо создать на Волге военную флотилию. В ее состав могли бы войти вооруженные орудиями и пулеметами волжские и камские пароходы, а также срочно переброшенные из Кронштадта миноносцы Балтийского флота.

Вторая справка касалась бедственного положения кораблей эскадры Черноморского флота, ушедших из Севастополя в Новороссийск после того, как германские войска 1 мая 1918 года заняли Севастополь. Тихонов писал, что из-за отсутствия других свободных портов на Черноморском побережье Советской России, корабли оказались запертыми в Цемесской бухте Новороссийска. В сложившихся условиях они либо достанутся германским войскам, наступавшим в районе Ростова, либо попадут в руки турецкой армии, стоявшей в Батуме. Единственным выходом для Советской власти было бы уничтожение кораблей во избежание их захвата оккупантами.

Раскольников прочитал вторую справку и сказал:

– Правильный вывод ты сделал, товарищ Тихонов! Он совпадает с докладом начальника Морского генерального штаба Беренса. Вчера товарищ Ленин направил телеграмму Черноморскому флоту: «...с получением сего уничтожить все суда Черноморского флота и коммерческие пароходы, находящиеся в Новороссийске». Туда выехал член коллегии нашего наркомата Вахрамеев, назначенный главным руководителем затопления флота. Твоей работой я доволен.

Тихонов молча кивнул. Раскольников прочитал справку об отпоре мятежникам-чехословакам и заметил:

– Этот документ покажу товарищу Троцкому, надо посоветоваться.

В первых числах июня, точнее 5-го числа, Раскольников с озабоченным видом вошел в кабинет и положил справку перед Тихоновым. С грустной улыбкой констатировал:

– Сегодня чехословаки начали боевые действия против нас под Самарой. Ты, товарищ Тихонов, оказался прямо-таки оракулом. Правильно предсказал события. Мы с товарищем Троцким были с докладом у Ленина. Принято решение срочно откомандировать тебя в Кронштадт для подготовки миноносцев к переходу на Волгу. В Нижнем Новгороде будет формироваться Волжская военная флотилия. Там пока в наличии только речные пароходы, на них рабочие Сормовского судостроительного завода установят вооружение. И флотилия начнет воевать, ожидая твоего прибытия с балтийскими миноносцами. Начальнику Морских сил Балтийского моря Зарубаеву будет отдан приказ оказывать тебе всяческое содействие, чтобы боевые корабли с опытными командами как можно скорее вошли в состав флотилии.

4

Сергей Валерианович Зарубаев был моряком опытным. Когда-то служил старшим артиллеристом на крейсере «Варяг» и за участие в бою у Чемульпо в январе 1904 года получил офицерского «Георгия». На Балтике командовал миноносцами, в 1915 году стал командиром линкора «Полтава». В январе 1917 года произведен в контр-адмиралы и вступил в командование 1-й бригадой линейных кораблей. В марте – апреле 1918 года оказал деятельную помощь начальнику Морских сил Балтийского моря контр-адмиралу Щастному в организации Ледового похода. Из Гельсингфорса в Кронштадт из-под носа наступающих немцев ушли 236 русских кораблей и судов, в том числе 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев, 12 подводных лодок. Отмеченный поощрением Совнаркома за эту операцию, Щастный тем не менее 27 мая был

арестован и отдан под суд по обвинению в организации заговора против Советской власти. Вместо него на должность «Наморси БМ» приказом Морского генерального штаба назначили Зарубаева.

Через неделю после принятия должности Сергей Валерианович получил подписанную Лениным телеграмму с требованием подготовить миноносцы Балтийского флота для перехода из Кронштадта на Волгу, в состав формирующейся в Нижнем Новгороде военной флотилии. Из Москвы для организации перехода был командирован представитель Наркомата по морским делам Тихонов, которого Сергей Валерианович прекрасно знал по 1917 году как начальника разведывательного отделения штаба Балтфлота.

– Приветствую, Владимир Константинович, с прибытием на родную Балтику! – Зарубаев пожал руку Тихонову, когда тот вошел в адмиральскую каюту на штабном судне «Кречет». – Рассказывайте, с чем пожаловали?

– Здравствуйте, Сергей Валерианович! – с удовольствием обратился Тихонов к Зарубаеву по имени и отчеству. Именно не «товарищ Зарубаев», как того требуют новые правила, а Сергей Валерианович. Тому имелась причина: у флотских офицеров Временное правительство ликвидировало погоны, сменившая его Советская власть упразднила воинские звания и золотые шевроны на рукавах. Но никакая власть не могла отменить старую флотскую традицию, в соответствии с которой офицеры и адмиралы обращались друг к другу по имени и отчеству.

Встреча бывших сослуживцев началась на хорошей ноте, они понимали друг друга. Тихонов вкратце изложил причину приезда в Кронштадт, Зарубаев ответил, что уже обдумывает поставленную задачу. Адмирал подошел к карте и стал размышлять вслух:

– Из Кронштадта и Петроградского морского порта корабли должны пройти на Волгу по Мариинской водной системе: из Ладоги в Свирь и Онежское озеро, дальше по Вытегре, Мариинскому каналу, реке Ковжа в Белое озеро, в Шексну и в Волгу у Рыбинска. Всего более тысячи километров пути и 38 шлюзов. Размеры шлюзов помните?

– Обижаете, Сергей Валерианович, – живо откликнулся Тихонов. – Не помнил бы, так посмотрел, готовясь к такому делу. Длина шлюза 74 метра, ширина без малого 10 метров.

– Это я к тому, что, соответственно их размерам, в поход надобно отправлять миноносцы типа «Сокол». Длина – 57,9, ширина – 5,3 метра. Минимальная осадка – 1,6 метра. Вы этого не застали, а я помню, что в 1907-м году, когда я служил на этих миноносцах и был командиром «Рьяного», с Балтийского флота в состав Каспийской флотилии перевели два «сокола»: «Пронзительного» и «Пылкого». Они первыми прошли из Петербурга в Астрахань по Мариинской системе и Волге, а потом ушли в Каспийское море на базирование в Баку.

– И что же, на переходе глубины для них достаточными были?

– Да, Владимир Константинович, немаловажная деталь: корабли максимально облегчили. С них сняли оба 75-миллиметровых орудия, торпедные аппараты, весь боезапас и отправили тяжести по железной дороге. Запас угля тащили вслед на барже с буксиром. В таком виде корабли прошли всю Волгу без навигационных происшествий.

– В каком состоянии пребывают «соколы» на текущий момент? Мне известно, что в кампаниях 15-го, 16-го и 17-го годов они не участвовали в боях, а служили посыльными кораблями.

– Совершенно верно. Но в 1916 году их переоборудовали в тральщики и включили в дивизию траления. Прошедшую зиму они базировались в Гельсингфорсе. В апреле сего года «Прыткий», «Прочный» и «Ретивый» во время Ледового похода ушли в Кронштадт. То есть в наличии у нас пока три миноносца. Остальные шесть достались финнам. Грустная тема. Но мы достигли соглашения, по которому Финляндия обязалась соблюдать условия Брестского мирного договора. В ближайшие дни они нам передадут «Поражающий». По остальным кораблям переговоры будут продолжены. В нынешнем состоянии в поход миноносцам выходить нельзя.

Требуется ремонт корпусов после плавания в тяжелых льдах Финского залива, да и паровые котлы подремонтировать надо бы.

– Сергей Валерианович, ремонт нужно провести в кратчайшие сроки. У меня для этого есть все полномочия, прошу только вашей поддержки. Второй вопрос – укомплектованы ли экипажи на кораблях?

– Тоже проблема. За 17-й год с флота дезертировало несколько тысяч нижних чинов... Тьфу ты, прости меня, Господи! Нельзя же теперь нижних чинов нижними чинами называть. Впрочем, Владимир Константинович, вы меня понимаете. К тому же в начале этого года Центробалт откомандировал в распоряжение Дыбенко немало матросов для формирования боевых отрядов на суше. По кораблям словно метелкой прошлись. В экипажах теперь повсюду некомплект. Будем собирать для Волжской флотилии с бору по сосенке.

– Кадровый вопрос нужно решать одновременно с ремонтом кораблей.

– Совершенно верно! Кроме того, потребуется разработка плана подготовки к переходу и плана самого перехода, надо будет сформировать коллекцию речных лоций на весь переход, провести прочую штабную работу. А у меня сейчас, как назло, начальника штаба флота нет. Прежнего четыре дня как сняли, а нового пока не назначили. Впрочем, эту проблему я решу, определю, кто будет подготовкой заниматься. Можете не беспокоиться. А вот ремонтом и укомплектованием экипажей займется комиссар, Иван Петрович Флеровский. Его к нам из революционных деятелей назначили недавно. Человек он неплохой, но флот знает слабо. Из учителей наш комиссар. Однако фигура авторитетная и деятельная, решить может любой вопрос. Тем более что у вас мандат, подписанный Лениным, для Флеровского это – лучший стимул горы свернуть.

От командующего Тихонов направился к комиссару. Только собрался пояснить, что и когда нужно сделать, как выяснилось, что Флеровскому уже ясны все задачи по отправке миноносцев на Волгу. Он получил персональные указания из штаба Раскольниковца.

– Да, товарищ Тихонов, задачи мне из Москвы поставлены. Я сижу и обдумываю, как разумно и в кратчайшие сроки выполнить указ товарища Ленина. Считаю, что прежде всего вам следует выбрать, какие именно миноносцы потребуются. В Кронштадте их множество стоит. Выбирайте лучшие!

Владимир Константинович призвал комиссара не горячиться, а составить подробный план подготовки к переходу. Попутно объяснил, что для перехода на Волгу могут подойти не всякие корабли, а только те, которые по своим небольшим размерам поместятся в шлюзовых камерах Мариинской водной системы. Чтобы не смущать сухопутного человека незначительными габаритами будущей мощи Волжской флотилии, Тихонов рассказал о подвиге миноносца «Стерегающего», самого прославленного из «соколов», во время Русско-японской войны. Комиссар уважительно смотрел на офицера.

Из штаба они вместе с флагманским механиком пошли осматривать миноносцы, выбранные для отправки на Волгу. Все три «сокола»: «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый» – в одном счале стояли у пирса. Издали они производили впечатление красивых боевых кораблей: у каждого по четыре трубы, по две мачты, по два торпедных аппарата вдоль узкого хищного корпуса и пушки перед носовым мостиком и на юте. По мере приближения Тихонова и его сопровождающих к пирсу оказалось, что ветераны-миноносцы давно забыли, что такое свежая краска, когда последний раз ремонтировались их корпуса и надстройки, что такое уход за палубой и механизмами. Вид у «соколов» был явно заброшенный. Ржавые борта тихо лизали грязные зеленоватые волны.

Внутренние помещения вид имели такой же удручающий. Экипаж каждого корабля по штатному расписанию должен составлять шестьдесят человек, но в наличии осталось по несколько матросов на каждом миноносце и на всех один офицер, мичман выпуска 17-го года.

Тихонов не особенно удивился, нечто подобное на флоте после революционных бурь он ожидал увидеть. Флагманский механик и без осмотра знал, в каком состоянии пребывают старые миноносцы, поэтому, не теряя времени даром, сел верхом на деревянный ящик, лежавший на пирсе, достал из кармана блокнот и стал записывать предстоящие виды работ и перечень нужных для ремонта материалов.

Комиссар испытывал острое чувство стыда от увиденного. На флоте он служил всего неделю, в Кронштадте успел осмотреть только линкор, крейсер и штабное судно. Относительный порядок на них поддерживался, хотя экипажи сократились вдвое. Казалось, что такое положение должно быть везде. Но у Флеровского в голове не укладывалось, как можно по приказу товарища Ленина отправлять на Волгу корабли, годные, пожалуй, лишь к сдаче в утиль. К тому же он как комиссар несет ответственность за корабли Балтийских морских сил. Иван Петрович задержался, заглядывая во все внутренние помещения, и спустился на пирс последним. Тихонов подошел к нему с вопросом:

– Товарищ Флеровский, когда мы сможем приступить к формированию экипажей?

Комиссар возмущенно ответил вопросом на вопрос:

– Вы полагаете, что эти ржавые посудины можно привести в порядок?

– Конечно! Их нужно срочно ремонтировать. Ремонт займет не одну неделю. И его можно провести лишь при наличии полных экипажей. Поэтому я и спрашиваю, когда начнем формировать экипажи?

– В таком случае, я сейчас же соберу партийный актив флота и, опираясь на наиболее сознательную часть матросов, проведу работу по направлению на миноносцы надежных и опытных флотских специалистов.

С этого дня на пирсе, прежде пустом и сонном, закипела работа. Приказом командующего на три миноносца были назначены командиры, вахтенные помощники, штурманы, артиллеристы и механики. По несколько раз в день подходили группы матросов, которых командиры распределяли по боевым частям. Сформированные экипажи немедленно начали ремонт своих заведений. В помощь им флагманский механик направил бригаду рабочих кронштадтских мастерских.

Тихонов ежедневно обходил свою ремонтную зону, наблюдал за работами, кого-то ругал, кого-то подбадривал, кому-то помогал. Вечером составлял доклад о результатах работы за день и отправлял в Москву. В ответ чаще всего сыпались обвинения в медлительности и отсутствии стремления выполнить поставленную задачу. Каждый раз после упреков он скрупулезно сообщал в наркомат об объективных трудностях, и начальство на время умолкало. Но однажды пришлось взорваться и ему. «Прочный», «Прыткий» и «Ретивый» день ото дня все больше начинали походить на настоящие боевые корабли. В начале июля из Финляндии на буксире привели «Поражающего», который пребывал в том же удручающем состоянии, что и его собратья-«соколы» до начала ремонта. На него не успели сформировать экипаж, но ремонтную бригаду из мастерских прислали.

Тихонов шел к одиноко стоявшему у достроечного причала кораблю и удивлялся, почему с него не слышится шум работ, как с других миноносцев. По трапу поднялся на палубу и прошел вдоль борта на ют, откуда доносились чьи-то голоса. За надстройкой открылась идиллическая картина: на расстеленном брезенте, как на матрасах, под летним солнцем загорали в сладкой дрёме трое рабочих. Еще двое играли в карты и оживленно разговаривали. На подошедшего никто из рабочих не обратил никакого внимания.

– Почему не ведутся работы? Кто здесь старший? – раздался властный голос Тихонова.

– Ты чё шумишь, дядя? – с напускным удивлением спросил один из картежников, здоровенный детина в брезентовых штанах и такой грязнушей тельняшке, что на груди и рукавах не было видно ни единой светлой полоски.

– Повторяю вопрос: почему не ведутся ремонтные работы на корабле? – вновь спросил Тихонов, стоя перед грязнулей в чистом кителе и выглаженных брюках.

– А кто ты такой, чтобы тебе тут отвечали? Пока не появится команда этой скорлупы, мы пальцем не пошевелим! Это их работа, а мы им, может, и поможем, – ухмыльнулся собственному каламбуру верзила.

– Ваша задача в срок закончить ремонт и подготовить корабль к переходу на Волгу, где ему предстоят тяжелые бои!

– Я тебе все сказал. И проваливай отсюда, офицерская морда, пока я тебя этой кувалдой не отрихтовал!

Тихонов прищурил глаза и зло заиграл желваками. Перед ним стоял настоящий враг. Это он стрелял в спину комфлоту Непенину, он убивал безоружных офицеров и глумился над их неутешными вдовами. Теперь враг пытается поиздеваться над ним, но не на того напал. Вслух Тихонов, передразнивая верзилу, холодно произнес:

– Зря ты так шумишь, дядя! Пожалеть придется...

Резко повернулся кругом и пошел прочь с миноносца.

Вслед ему раздался гогот и свист.

С причала Тихонов прошел к комиссару. Тот сидел за столом и сосредоточенно что-то писал.

– Что будем делать с саботажниками, товарищ Флеровский? – жестко спросил Владимир Константинович.

Комиссар, не отрывая лица от документа, скороговоркой ответил:

– Саботажников будем выжигать каленым железом!

– Вот и начальник Особого отдела товарищ Калниньш говорил мнетожеса-мо-е, – по складам мрачно произнес Тихонов и взялся за трубку телефона: – У аппарата уполномоченный Наркомата по морским делам, соедините меня с начальником Особого отдела.

– Что у нас стряслось? – быстро подхватился Флеровский.

Через полчаса на причале у борта «Поражающего» остановилась автомашина. Подъехавшие чекисты без лишних слов арестовали бригаду бездельников и затолкали всех в кузов. Среди перепуганных ремонтников только верзила сопротивлялся и орал на весь порт:

– Кого хватаете, революцённого моряка-балтийца?! Офицерику послушали, дракона? Я таких чистюль, как он, в прошлом году под лед живьем пускал охлаждаться! А вы руки мне вязать хотите? Не дам, контры!

Арест «бузотеров» положительно повлиял на дальнейший ход ремонта. Вскоре на трех «соколах» работы завершились, лишь на «Поражающем» паровую машину не успели ввести в строй. Из Москвы раздалась команда «тащить его за ноздрю» на буксире и следовать вместе с остальными. В последних числах июля с миноносцев сняли вооружение, погрузили на железнодорожные платформы и под охраной артиллеристов и минеров из экипажей отправили эшелонам в Нижний Новгород.

Вечером 1 августа отремонтированные миноносцы отошли от причальной стенки и отдали якоря на рейде Кронштадтского порта. Моряки, рабочие и жители Кронштадта торжественно провожали свои боевые корабли, уходившие воевать на Волгу. Начальник Морских сил Балтийского моря Зарубаев, комиссар Флеровский и уполномоченный Наркомата Тихонов на адмиральском паровом катере обходили строй миноносцев, вдоль бортов которых выстроились экипажи. Командиры кораблей докладывали о готовности к походу. Комиссар в рупор крикнул: «Революционной победы вам, товарищи! Ура!», и сотня матросов многогласно подхватила русский боевой клич. На этом первый парад кораблей нового Балтфлота завершился. Тихонов с катера перешел на флагманский миноносец перехода «Прыткий» и отдал команду поднять якоря.

Ночью, когда в Петрограде развели мосты, «Прыткий», «Прочный», «Ретивый» и «Поражающий» вошли из Финского залива в Неву. Замыкающий миноносец, подцепленный тросом, шел за мощным кронштадтским буксирным пароходом.

Тихонов стоял на мостике и смотрел на огромный ночной город. Полноводная река несла черную маслянистую воду, заключенную в гранитный камень набережных. Выстроившиеся каскадом мосты с поднятыми пролетами, казались похожими на железные руки, разведенные в стороны, чтобы приветствовать корабли. На набережных были видны силуэты домов, в окнах которых то здесь, то там вспыхивали огоньки домашних лампочек. Вид спящего города завораживал. «Прыткий» вошел в судоходный пролет Литейного моста. По мосту они гуляли с Наташей... Вспомнилось, что за время командировки в Кронштадт ему иногда удавалось заезжать домой повидаться с женой и матерью. Память о тех теплых встречах теперь грела душу.

Справа осталась Охтинская пристань, вот уже мост Петра Великого, слева приближались купола Лавры, дальше вздыбился разведенный железнодорожный мост, а по берегам застыли корпуса и трубы заводов. Городские кварталы кончались. В сумрачном свете нарождавшегося утра на обоих берегах появились силуэты кирпичных красавиц – заводских водонапорных башен, построенных в виде крепостных бастионов. А дальше потянулись пригородные села и полосы лесов. Порой мелькали великолепные дворцы с гранитными лестницами, спускавшимися к воде.

За Шлиссельбургом, когда утро вошло в права, корабли оказались в Ладожском озере. В утреннем тумане небо словно слилось с водой. Среди туманной мороси впереди вдруг возник старинный полосатый маяк на каменном островке. Поверхность воды в утренние часы была похожа на зеркало: на Ладоге установилась редкостная для этих мест штилевая погода. Темные корпуса миноносцев будто скользили по водной глади.

После озерных просторов, которые масштабами не уступали морским, они втянулись в бурную Свирь. И сразу начался порожистый плес, где паровым машинам пришлось работать полным ходом против сильного течения. По берегам виднелись рыбацьи посадки с лодками, выгашенными на берег, и группами женщин, колотивших на плотках вальками белье.

Миновав город Вознесенье, корабли пошли в обход Онежского озера по обводному каналу в город Вытегру и дальше – по Мариинской водной системе. Перед шлюзом № 1, расположенным прямо в городе, «Прыткий» пришвартовался к барже, стоявшей у берега, а к борту флагмана причалили остальные участники перехода. Командиры и механики, никогда не ходившие по речным путям и тем более прежде не шлюзовавшиеся, пошли знакомиться с первым в их морской службе речным шлюзом, чтобы определиться, каким образом входить в него и как закрепляться у стенки.

Мимоходом полюбовались тихой стариной Вытегры. Кругом стояли бревенчатые дома, улочки и переулочки покрыты густой зеленью травы. В садах шелестели листвою вековые березы. Над темными от времени домишками, словно исполины, возвышались главки белокаменных церквей с колокольнями. И повсюду в городе синела вода, она равномерно шумела, сливаясь водопадом с покрытых тиной деревянных плотин.

Кратковременная стоянка окончилась, и миноносцы потянулись к шлюзу. Первым за деревянными воротами исчез «Поражающий» со своим буксиром. Капитан буксира когда-то водил баржи с Волги в Петроград, имел опыт шлюзования, ему первому и доверили пройти шлюз. С остальных кораблей пристально всматривались, как примерно через час высоко над воротами показались мачты и трубы «сокола» и его спутника. Когда шлюз был вновь готов, в распахнутые ворота пошли «Ретивый» и «Прочный». «Прыткому» пришлось шлюзоваться в последнюю очередь.

Тихонову, спустившемуся в каюту после выхода из бревенчатой камеры шлюза, любопытно было наблюдать в иллюминатор, как миноносец самым тихим ходом двигался по узкому каналу, а внизу под кораблем виляла грунтовая дорога, по которой ехали телеги с сеном и

топал пеший люд, с удивлением взиравший на невиданные в такой глухомани военные корабли. Канал здесь был заключен в лоток и поднят над окружающей местностью. Кудлатые псы, прибежавшие из какой-то деревни, сердито лаяли на плывущий над ними миноносец. После канала началась крутая «лестница шлюзов», по которой корабли как бы шаг за шагом поднимались к верхнему шлюзу, а потом, как по приступкам, спускались вниз. Понадобилось больше суток, чтобы все миноносцы, один за другим, прошли по «лестнице».

Вдоль берега Белого озера двигались ночью, над озером зашумел ветер, и началась легкая качка. Опытные морские волки пересмеивались между собой над странностями природы: на речке – и вдруг закачалось! Старинный Белозерск миновали ходом и оказались в реке Шексне, по давно обжитым берегам которой привольно раскинулись богатые села с каменными церквями на высоких берегах. На лугах паслись стада вологодских молочных коров. Казалось, что в воздухе висит запах парного молока.

Перед выходом в Волгу в Рыбинске встали для пополнения запасов угля, воды и продовольствия. В пути от Кронштадта миноносцы находились десять дней. Тихонов связался с Морским генеральным штабом и доложил, что караван идет с опережением графика.

Вниз по Волге пошли с речными лоцманами, седоусыми дедами-волжанами, которые как свои пять пальцев знали сложный фарватер норовистой и мощной реки. Утром 24 августа «Прыткий» первым причалил к пристани в Нижнем Новгороде. Тихонов мог спокойно перевести дух: сложная командировка в Кронштадт и переход миноносцев в состав Волжской военной флотилии закончились успешно. Ни одной поломки в пути, ни одной посадки на мель.

5

На пристани моряков встречал Раскольников, день тому назад назначенный командующим флотилии. Рядом в матросском бушлате и длинной узкой юбке стояла прозванная «Валькирией революции» флаг-секретарь командующего и с лета 1918 года – его жена – Лариса Михайловна Раскольников-Рейснер.

Тихонов доложил о выполнении поставленной задачи и получил приказ построить экипажи на берегу. Когда полторы сотни матросов и командиров, а по-новому «военморы», выстроились в каре, Раскольников вышел в центр и выступил с речью. Он передал благодарность Реввоенсовета всем участникам перехода и кратко обрисовал сложившуюся обстановку:

– Товарищи, наступил очень сложный для Советской власти момент. В июне чехословацкие легионеры, а также вышедшие из подполья белогвардейцы, монархисты, кадеты и примкнувшие к ним эсеры подняли мятеж. Пользуясь внезапностью и силой оружия, враги захватили крупные города на огромном протяжении от Самары до Красноярска. Их подлой целью был захват Среднего Поволжья и Сибири. В довершение всего в начале августа белочехи и белогвардейцы увезли из захваченной Казани золотой запас Советской республики. Мы должны противостоять этой гидре контрреволюции, отрубить ее головы!

Моряки в полной тишине слушали командующего. Раскольников подошел ближе к строю, прошел вдоль первой шеренги, остановился и продолжил выступление, вылившееся в боевой приказ по флотилии:

– Всякого рода халатность, неисполнительность, медлительность выполнения данного поручения, не говоря уже о прямом неповиновении, будут мною жестоко преследоваться. Социалистическая Революция не расправится со своими врагами раньше, чем те, кто стоят под ее знаменами, не проникнутся сознанием твердой, объединяющей всех судовой товарищеской дисциплины. В нашу среду просачивались шкурнические, трусливые элементы, отбросы нашей флотской семьи. История никогда не простит Красному флоту, что главные силы левозэсеро-вого мятежа состояли из отряда Попова, сформированного из балтийских и черноморских

моряков. Пусть же волжские военные моряки воскресят былую славу матросов, как рыцари без страха и упрека!

В заключение краткого митинга Раскольников отдал распоряжение командирам миноносцев вести корабли на Сормовский завод для установки вооружения, привезенного из Петрограда по железной дороге. Тихонова командующий позвал на штабной корабль «Межень», бывшую речную царскую яхту.

Стоящую в дальнем затоне, укрытую от посторонних взглядов двухтрубную трехмачтовую красавицу-яхту с обводами клипера опытный разведчик заметил издалека. Внешний вид корабля впечатлял элегантностью. Острый, готовый резать воду форштевень, ряды круглых иллюминаторов на корпусе, покрытом черной краской, где, как на морских мундирах, блестела позолота резных украшений. Надстройка была выкрашена в белый цвет, но верхи обеих труб для достижения гармонии имели черную окантовку. Тихонов шел и восхищался мастерством сормовских корабелов, построивших яхту, числившуюся в справочнике судов Речного регистра всего лишь «буксиром с железным корпусом». При более внимательном рассмотрении стало понятно, что революция и война медленно, но верно приближают яхту к состоянию буксира: позолота на бушприте и на бортах местами была сколота, а железные борта имели многочисленные вмятины от жестких столкновений с судами или с дебаркадерами.

Внутренние помещения еще хранили придворный лоск: на переборках красовались панели из драгоценных пород дерева, их украшали гобелены в стиле Людовика XIV, рядом стояла подобранная по стилю мебель. Тихонов, проходивший за Раскольниковыми мимо вестибюлей палубы, салонов и роскошных кают, вдруг усмехнулся пришедшей в голову неприличной мысли о том, что командующий с супругой, скорее всего, для отхода ко сну используют самое что ни на есть царское ложе (немного погодя забавная догадка подтвердилась).

Раскольников привел его в помещение, где собирался для работы штаб флотилии и, судя по всему, прежде размещалась большая столовая царской семьи. На просторном прямоугольном столе лежали топографические карты и речные лоции, справочники, карандаши, линейки, циркули. Соседний стол, размером поменьше, был беспорядочно завален документами. Командующий показал на него пальцем и распорядился:

– Давай, разведка, работай! Чую в этой куче бумаг много интересного про флотилию беляков можно найти. После каждого захвата штабов неприятеля все документы несли сюда. Меня здесь не было, а у Николая Григорьевича Маркина, пока он командовал флотилией, до них руки не доходили, да и желания не имелось. Для Маркина главное: «Машине – полный!», «Орудия – товсь!» – и в лобовую атаку на противника.

– Федор, Николай Григорьевич на «Межени» и не был, – решила восстановить справедливость Рейснер, устроившаяся на одном из обеденных стульев. – Он с канонерки «Ваня» номер пять не сходил.

– Знаю, Лариса, знаю. Рассказывали люди: Маркин на «Ване» впереди, вслед за ним баржа «Сережа» с батареей трехдюймовок, а в кильватере обезлюдевшая «Межень» тащилась. И палили в белый свет, как в копеечку...

– У меня вопрос, товарищи, что же флотилия без разведки воевала? – вставил реплику Тихонов.

– Почему без разведки? Вот Лариса Михайловна в разведку самолично и ходила, – ответил с улыбкой Раскольников и положил на стол вырезку из газеты.

– Я тогда не на флотилии служила, а находилась в должности политкомиссара Пятой армии, и целью разведки было установить местонахождение золотого запаса России, – уточнила Рейснер, закурила папиросу и внимательно посмотрела на Тихонова, который взял в руки вырезку.

В статье некоей Елизаветы Драбкиной в глаза бросились строки, резко отчеркнутые ногтем:

«Впереди на вороном коне скакала женщина в солдатской гимнастерке и широкой клетчатой юбке, синей с голубым. Ловко держась в седле, она смело неслась по вспаханному полю. Это была Лариса Рейснер, начальник армейской разведки. Прелестное лицо всадницы горело от ветра. У нее были светлые глаза, от висков сбегали схваченные на затылке каштановые косы, высокий чистый лоб пересекала суровая морщинка. Ларису Рейснер сопровождали бойцы-мадьяры приданного разведке Интернационального батальона».

– Лихо, Лариса Михайловна, не каждый мужчина так отважен, как вы, – уважительно сказал Тихонов. – Но позвольте мне все-таки заняться организацией разведки в классическом ее виде, раз назначили на такую должность.

Раскольниковы ушли, а он принялся за документы.

Раскладывая их по датам и по темам, Владимир Константинович вспомнил, каким мастером работы с информационными материалами был его начальник Стрельцов, который имел особый талант в формулировке точных выводов из того обилия фактов, которые отыскивал в добытых документах. Он всегда требовал от подчиненных такого же внимательного отношения к любой полученной бумаге, даже когда казалось, что она не имеет прямого отношения к нужной теме. Лишней информации не бывает, повторял он, рано или поздно отложенные на потом факты станут нужным фрагментом к создающейся картине разведывательной обстановки.

Несколько часов напряженной работы дали нужные результаты. Подошедшему Раскольникову Тихонов со знанием дела представил доклад о составе сил противника:

– На Волге нам противостоит Речной боевой флот Народной Армии Самарского «Комуча» под командованием контр-адмирала Старка.

– Ну, это нам известно! – махнув рукой, раздраженно сказал командующий.

Разведчик спокойно продолжил:

– Георгия Карловича я знаю по службе на Балтийском флоте. Он офицер исполнительный, но не более того. Воевать может хорошо, когда у него сил в достатке. А по документам получается, что силенок у белых маловато. Они одерживали незначительные победы лишь потому, что наша флотилия воевала наскоками, без планирования боевых действий. Как речные «гёзы»: кого видели, на того и нападали.

– Какие такие «гёзы»? – удивленно спросил Раскольников.

– «Гёзы» – то есть по-нашему партизаны – воевали в Голландии с испанскими завоевателями. На морях испанцев топили морские «гёзы», на реках и каналах – речные «гёзы». Хорошо им было: никакого планирования! Испанцы соберут силу – они разбегутся, испанцы останутся в меньшинстве – они нападают. Только вот нам разбежаться нельзя, поэтому бить врага нужно наверняка, по заранее разработанному плану. Тогда и уничтожим боевой флот Старка. Известно, что он состоит из трех дивизионов речных кораблей. Вооружение: четыре 152-миллиметровых орудия Шнейдера, одно 122-миллиметровое, шесть 107-миллиметровых, три полевых трехдвоймовки, шесть 36-миллиметровых зенитных орудий, четыре 37-миллиметровых системы Маклена, три 37-миллиметровых системы Гочкиса...

– Слушай, откуда у тебя такая подробная информация, неужто наши матросики штабной документ из сейфа Старка стибрили? – удивился Раскольников.

– Никак нет. Все из разных источников. К примеру, этот сложенный вчетверо обрывок тетрадного листка, исписанный карандашом, есть не что иное, как рапорт флагманского артиллериста старшего лейтенанта Розенталя, тоже офицера-балтийца, командующему флотилией о распределении пушек между пароходами и о вооружении плавучей батареи «Чехословак» орудиями Шнейдера. Хорошо, что листочек сюда принесли, а не пустили на самокрутку и не бросили в отхожее место. Цены нет такому листочку. А вот рапорт командира третьего дивизиона кавторанга Федосьева, где он подробно докладывает о потребностях в снарядах для орудий своих кораблей. Их первым дивизионом командует мичман Мейрер, вторым – мичман Дмитриев. Так что силы и средства противника нам известны. Требуется узнать, где они раз-

мещаются. В этом сейчас могли бы помочь пилоты гидросамолетов, они ведь приданы нашей флотилии?

– Да. В моем распоряжении имеется четыре плавающих аэроплана типа М-9, но при них всего два морских летчика: Столярский и Свинарев. Они, конечно, помогут разведке. Слушай, быстро ты такие задачки щелкаешь! Как тебе удается?

– Не забывай, я четыре года войны служил в разведке. Это – большой опыт. И раз с германцами справляться удавалось, то со своими-то проще...

– Кого это, товарищ Тихонов, вы своими считаете? – неожиданно из-за спины раздался хрипловатой голос Ларисы Рейснер, которая подошла во время доклада и тихо слушала.

– Своими, Лариса Михайловна, в данный момент я назвал русских, которых я знаю лучше, чем германцев.

– Понятно! Меня ведь дамское любопытство разбирает, как вы себя ощущаете в составе Красного флота, когда столько известных вам офицеров воюют против нас в стане белогвардейцев?

– Что же... Каждый волен делать собственный выбор. Я выбор сделал и сказал о нем товарищу Раскольникову полгода назад. Слово данное нарушать не привык!

– Хорошо. Тогда скажите, как вы относитесь к делу «красного адмирала» Щастного?

– Какое дело Щастного? Мне известно, что Алексей Михайлович привел корабли из Гельсингфорса в Петроград, тем самым спас Балтийский флот от захвата германцами, оккупировавшими Финляндию. Советское правительство положительно оценило действия Щастного...

– Лариса, окстись, о чем ты говоришь, как он мог вникнуть в дело Щастного, будучи в командировке за миноносцами?

– Тогда сама скажу, что произошло со Щастным, – перестала горячиться Рейснер и, глядя на Тихонова, в нескольких фразах поведала о трагедии, которая, судя по всему, как-то задела и ее. – После успешного завершения Ледового перехода комфлота Щастный быстро приобрел авторитет среди моряков-балтийцев всех рангов и положений. Как раз тогда, в апреле, в отставку отправили последних чинов старого флота. На новый, Красный флот, был объявлен набор по контракту. Против этой идеи товарища Троцкого выступил Щастный, он же при поддержке сослуживцев резко высказался насчет того, что флот при демобилизации лишился многих ценных специалистов, что подорвало его былую мощь. При этом Щастный отлично понимал, что как командующий он не имеет права выступать против высшего должностного лица Красной Армии, председателя Реввоенсовета. Поэтому 25 мая он подал в отставку. Лев Давидович со своей стороны стал рассматривать высказанные во всеуслышание взгляды «красного адмирала» как попытку создания пропасти между флотом и Советской властью. 27 мая Щастный был арестован и предан суду, на котором ему вменялась попытка организации заговора с целью установления личной диктатуры на флоте. Был суд, на него вызывали свидетелей, мнения которых разделились. Кто-то защищал адмирала, другие не стали этого делать. В результате – обвинительный приговор и расстрел. Я бы бросилась к Троцкому и доказала, что совершается ошибка. Но меня не было в Москве. А Раскольников, между прочим, защищать Щастного не стал.

– Я не считал его взгляды правильными. Кроме того, мы тогда морально пребывали в диаметрально противоположных точках. Он героически спас Балтийский флот, а я вынужденно уничтожил Черноморский. 18 июня я выполнил приказ Ленина о затоплении всех наших кораблей и судов на рейде в Новороссийске. Через два дня литерным поездом возвратился в Москву, у меня перед глазами еще стояла картина уходящих на дно целехоньких линкоров и эсминцев, а уже пришлось выступать на суде... – Раскольников на мгновение задумался, но потом встал и сухо сказал: – Достаточно на сегодня разговоров. Поехали на Сормовский завод, узнаем, когда рабочие закончат вооружение наших миноносцев. Товарищ Троцкий дал телеграмму о своем скором прибытии из Свияжска в Нижний Новгород.

Тихонов слушал и смотрел на своих собеседников.

«Рейснер и Раскольников – неплохая пара, – думал он. – Порывистость и импульсивность Ларисы уравновешиваются спокойствием и рассудительностью мужа, к тому же они представляются единомышленниками. Надо признать, что оба искренни и по-доброму относятся ко мне. Совершенно невозможно считать их своими врагами, поэтому мой долг оставаться верным слову, – продолжал размышлять Владимир Константинович. – И почему бы я оказался в стане белых? Воевать на той стороне сейчас, – значит идти заодно с их иностранными союзниками, которые с разных сторон вторглись на территорию России. Американцы, японцы, англичане, французы, немцы, турки – кто только не топчет сапогами нашу землю. Но она же должна быть очищена от иноземной погани, и сделать это может только Красная Армия, поэтому я с красными, а не с белыми», – подвел для себя итог разведчик.

28 августа Троцкий был уже на борту миноносца «Прыткий», который повел основные силы флотилии вниз по реке в сторону Казани. Раскольников с Тихоновым изучили данные авиаразведки и определили береговые цели для накрытия огнем. Основной задачей стало уничтожение позиций вражеской артиллерии. Красные знали, где они находятся, и своими дальнобойными орудиями методично расправлялись с пушками белых.

Три миноносца воинственно шли впереди, поднимая мощные буруны форштевнями и пенный вал позади. В этой кипящей воде не сразу стали заметны всплески разрывов белогвардейских снарядов. Но пули и осколки, зашелкавшие по броне, заставили сбавить скорость. Авангард оторвался от тихоходных канонерок и артиллерийских барж с буксирами. Гул выстрелов их орудий сотрясал округу. Флагманский «Прыткий» первым прошел поворот под Высоким Услоном близ деревни Моркваши. С мостика открывался вид на Казань, когда миноносец вдруг потерял управление: попаданием снаряда перебило штурвальную цепь. Будто на ходу споткнувшись, корабль под огнем противника медленно дрейфовал к берегу, пока не уперся в борт полузатопленной баржи. Троцкий, Раскольников и Рейснер, находившиеся на мостике, приготовились к худшему раскладу. Но белые, как по команде, прекратили стрельбу и вообще перестали проявлять активность. Оказалось, что их позиции были сметены валом огня флотилии красных. Тогда миноносец, работая поочередно левой и правой машинами, непрямомерно вдоль берега проскользнул к основным силам флотилии, которые встали к пристаням недалеко от Свияжска.

Утром рядом с кораблями объявились красноармейцы и командиры Свияжского гарнизона, которые в панике кричали, что были выбиты с позиций белогвардейцами, атаковавшими их неожиданно на рассвете. Троцкий велел арестовать всех, а сам во главе отряда матросов флотилии и подразделения своей охраны выступил в сторону Свияжска. Выяснилось, что на рассвете город атаковали прорвавшие фронт отряды Савинкова и Фортунатова вместе с ударным офицерским батальоном подполковника Каппеля, которым удалось рассеять отряд казанских добровольцев и 1-й Петроградский полк, основу которого составляли необстрелянные красноармейцы. У белогвардейцев появилась возможность захватить штаб 5-й армии красных, но, не имея единого командования, они замешкались и упустили шанс. Навстречу шло свежее подразделение Троцкого под прикрытием артиллерийского огня Волжской флотилии. Белые спешно отступили.

Эти и дальнейшие события обстоятельно, как опытный журналист, описала в газетном очерке Лариса Рейснер:

«Налет был выполнен блестяще; сделав глубочайший обход, белые неожиданно обрушились на станцию Шихраны, расстреляли ее, овладели станционными зданиями, перерезали связь с остальной линией и сожгли стоявший на полотне поезд со снарядами. Защищавший Шихраны малочисленный заслон был поголовно вырезан.

Мало того: переловили и уничтожили все живое, населявшее полустанок. Мне пришлось видеть Шихраны через несколько часов после набега. Станция носила черты того совершенно

бессмысленного погромного насилия, которыми отмечены все победы этих господ, никогда не чувствующих себя хозяевами, будущими жителями случайно и ненадолго захваченной земли... Белые стояли под самым Свияжском в каких-нибудь 1-2 верстах от штаба 5-й армии. Началась паника. Часть политотдела, если не весь политотдел, бросилась к пристаням и на пароходы.

Полк, дравшийся почти на самом берегу Волги, но выше по течению, дрогнул и побежал вместе с командиром и комиссаром, и к рассвету его обезумевшие части оказались на штабных пароходах Волжской военной флотилии. В Свияжске остались штаб 5-й армии со своими канцеляриями. Канцелярия штаба опустела – „тыл“ не существовал. Все было брошено навстречу белым, вплотную подкатившимся к станции.

Белые решили, что перед ними свежая, хорошо организованная часть, о присутствии которой ничего не знала их контрразведка. Утомленные 48-часовым рейдом, солдаты преувеличивают силы противника, не подозревая, что их останавливает горсть случайных бойцов, за которыми нет ничего...

На следующий день судили и расстреляли (через десятого) 27 дезертиров, бежавших на пароходы в самую ответственную минуту. В их числе несколько коммунистов. Об этом расстреле много потом говорили, особенно, конечно, в тылу, где не знают, на каком тонком волоске висела дорога на Москву и всё наше, из последних сил предпринятое наступление на Казань. Говорят, среди расстрелянных были хорошие товарищи, были такие, вина которых искупалась прежними заслугами – годами тюрьмы и ссылки. Совершенно верно. Никто не утверждает, что их гибель – одна из тех нравоучительных прописей старой военной этики, которая под барабанный бой воздавала меру за меру и зуб за зуб. Конечно, Свияжск – трагедия. Участь Казани решилась именно в эти дни, и не только Казани, но и всей белой интервенции. Чтобы победить в 18 году, надо было взять весь огонь революции, весь ее разрушительный пыл и впрячь его в вульгарную, старую как мир схему армии».

Троцкий, побывавший под огнем противника и на волоске от гибели, демонстрировал вулкан энергии и образец бесстрашия. Тихонов, находившийся в дни боев на штабном корабле «Межень», тогда впервые увидел народного комиссара по военным и морским делам. В кожаных сапогах, куртке и галифе он был похож на морского летчика, только вместо шлема с очками на его шапке смоляных курчавых волос лихо держалась кожаная фуражка со звездочкой. Вокруг наркома все время находилось несколько мощных телохранителей, тоже затянутых в черную кожу. Нарком произнес зажигательную речь перед отрядом военморов, отличившихся при взятии Казани 10 сентября:

«Моряки Волжской военной флотилии! В боях под Казанью ваша флотилия покрыла себя славой. Моряки показали, что они остаются красой и гордостью революции. Приказываю названия ваших кораблей, унаследованные от царской эпохи, заменить новыми именами, достойными ваших подвигов!».

Тихонов смотрел на трибуна революции и думал о том, что проведенный накануне расстрел монахов Успенского монастыря в Свияжске был для Троцкого скорее актом мщения за испытанные военные тяготы и страхи, чем революционная необходимость. Интересно знать, думал Тихонов, как это событие в душе воспринял стоявший рядом внешне невозмутимый Раскольников. Молох Гражданской войны на глазах всех ее участников собирал новые и новые жертвы. Тяжелые мысли отпустили разведчика только после известного события, когда у деревни Гольяны на Каме отряд кораблей флотилии во главе с командующим увел из-под носа у белых «баржу смерти», из трюмов которой были освобождены более четырехсот ожидавших расправы изможденных красноармейцев. Что белые, что красные с врагами не церемонились...

После взятия Казани флотилия отправилась в поход вверх по Волге и на Каму – преследовать флотилию Старка, которая устремилась к Ижевскому и Боткинскому заводам за помощью. Боевые столкновения кораблей происходили почти каждый день. В боях флотилия несла

потери. 1 октября комиссар флотилии Николай Григорьевич Маркин, шедший по Каме на канонерской лодке «Ваня», в районе села Пьяный Бор попал в артиллерийскую засаду. Белые обрушили весь огонь на оторвавшийся от основных сил корабль и потопили его. Вместе с экипажем погиб Маркин. Подоспевшей подмоге удалось подобрать с воды лишь несколько человек.

Тихонову приходилось нелегко: он и разведку организовывал, и сам в роли источника выступал, и как флотский командир действовал. Раскольников при хроническом недостатке подготовленных морских офицеров порой использовал своего товарища как штабиста, а порой как адъютанта, отправляя мчаться верхом по вражеской территории с приказом к отрядам кораблей, действовавшим в отрыве от основных сил. Нередко Владимир Константинович ловил на себе оценивающие взгляды Ларисы, сперва откровенно любопытные, но по ходу событий все чаще уважительные.

Появились у него и новые товарищи. Одним из них стал командир баржи «Сережа», артиллерийский офицер Александр Васильевич Сабуров. Когда-то он служил лейтенантом флота и в 1905-м проходил по делу революционера Петра Петровича Шмидта. По политическим взглядам эмигрировал в Париж, на чужбине работал и добился положения в обществе. Ему было далеко за пятьдесят, когда в Петрограде произошел октябрьский переворот, и он вернулся. Попал на Волгу в разгар мятежа чехословаков, пришел в штаб флотилии в Нижнем и заявил, что готов командовать орудием. В его умелых руках мирная деревянная баржа превратилась в покрытую броней грозную плавучую батарею.

Маленького роста, подвижный Сабуров безошибочно командовал огнем. В бою он сыпал французскими поговорками и не выпускал из зубов черенок трубки. Тихонов участвовал в боях при штурме Казани в качестве артиллерийского корректировщика на барже «Сережа», где познакомился с ее командиром-бородачом, весело посматривающим узковатыми татарскими глазками. По наводке Тихонова, Сабуров чуть ли не с первого выстрела накрывал цель среди построек большого города, а потом давал знак капитану буксира вести баржу к новой позиции.

На войне время бежит быстро, и жаркий август незаметно сменился холодным октябрём. Боцман «Межени» по утрам заходил в царскую каюту и докладывал Раскольниковой:

– За бортом ноль градусов, Лариса Михайловна! Вода – плюс пять. Скоро лед на реке встанет, по всем приметам.

По течению поплыли одинокие льдины, вода становилась густой и медленной, над поверхностью дымился постоянный туман, верный предвестник мороза. Команды веселели, предвкушая отдых.

Пришло распоряжение из Москвы: миноносцы флотилии перевести на Нижнюю Волгу, к Астрахани. Быстро собрались в путь и через неделю пришли на место. В низовьях оказалось намного теплее, чем в верховьях реки. Тихонов сошел на берег и во главе конного флотского разъезда отправился изучать обстановку вокруг места зимнего базирования.

В одной из глухих деревенок моряки увидели штабель трупов возле глинобитного домишки.

– Что, казаки лютуют? – спросил у сгорбленной старушки Тихонов, спешиваясь.

– Не-е, батюшка, черная болезнь у нас, мрут люди. Ехал бы ты с Богом, а то не ровен час... Хорошего было мало. В домах лежали умирающие. Ясно, что в эти места пришла эпидемия. Срочно надо предупредить своих.

После получения страшной вести корабли ушли к новому месту базирования.

Раскольников сдал командование флотилией и вместе с женой собрался ехать в Москву. Тихонов провожал их к поезду, но у вагона неожиданно почувствовал себя плохо и упал без памяти. Сквозь проблески сознания до него доходило, что рядом распоряжается Лариса Рейснер. Вызвала врача, приказала грузить больного в вагон. Вдруг в вагоне почему-то появился

полковник Стрельцов, который внимательно смотрел на бывшего своего офицера. Тихонов с трудом разлепил губы и прохрипел:

– Илья Иванович, я...

Снова раздался голос Рейснер:

– Видите, он бредит. И жар у него сильный.

Подошедший доктор осмотрел больного и сообщил:

– Будьте осторожны! Это – тиф.

Глава 3. «Найти Стрельцова!»

1

– Когда мне рассказали все, что известно про исчезновение Ильи Ивановича, я сердцем почувствовала, впрочем, нет, меня просто озарило свыше: он жив! Жив, понимаешь! Он не погиб. Святая Дева Мария не могла допустить, чтобы я потеряла его навсегда. Нужно искать и найти Стрельцова!

– Господи, да где же теперь искать Илью Ивановича, Кристина? А ведь ты, сдаётся мне, уже продумала этот вопрос. Отвечай скорее, так или не так?

– Да, Альбина! Конечно, ты права. Я кое-что придумала и позвала тебя, чтобы посоветоваться.

Кристина Тамм и Альбина Илонен, урожденная Голубева, сидели за столиком в кофейне на первом этаже универсального магазина Стокмана в центральной части Гельсингфорса. Они встретились именно там, где несколько месяцев назад их познакомил полковник Стрельцов, имя которого было по-своему дорого каждой из них. Изящной темноволосой красавице-польке Кристине шел тридцать второй год, а ее русской подруге Альбине, обладательнице яркой шевелюры цвета осеннего пожара и миловидного лица с мягким овалом, – двадцать седьмой. Молодые женщины, отложив прочие дела, собрались держать совет о том, как найти и спасти человека.

– Мне сказали, что в ночь, когда Илья Иванович пропал, в том месте, где произошел взрыв, находились лодки финских рыбаков. Они обязательно подобрали бы тех, кого выбросило с корабля. Подобрали бы и отвезли лечить к себе домой. Рыбаки, скорее всего, были из прибрежных хуторов на юго-западной оконечности Финляндии. Смотри, я записала в блокноте, как называется место, где следует искать. Это район Драгсфьорда.

Альбина, знавшая страну Суоми немного больше Кристины, предположила, что поиски могут оказаться очень сложными и нескорыми:

– Кристина, те места считаются труднодоступными. Не уверена даже в том, существуют ли дороги, связывающие хутор с хутором. Ведь рыбаки легко добираются домой по воде, им нет нужды путешествовать по суше.

– Может быть, ты и права. Но откладывать поиски из-за каких-то трудностей нельзя. Мало ли в каком состоянии пребывает Стрельцов, скорее всего, ему нужна медицинская помощь. По протекции мужа я обращусь в полицейское управление, чтобы получить список людей, которые живут в тех хуторах, и узнать, как можно до них добраться.

Альбина согласилась с подругой и выразила готовность помогать в поисках. На этом они закончили первый «военный совет» и разъехались по домам: Кристина – в Таммерфорс, Альбина – к мужу на хутор близ города Раума.

Супруги Тамм жили в Финляндии больше полугода. Их город Таммерфорс, или по-фински Тампере, в Европе называли «Северным Манчестером» из-за того, что к концу XIX века он стал промышленным центром страны. Наличие значительной прослойки рабочих среди горожан повлияло на решение русских социал-демократов провести в Таммерфорсе партийную конференцию в декабре 1905 года. На конференции произошло историческое событие: там впервые встретились два будущих вождя России – Ленин познакомился со Сталиным.

В 1916 году Феликс Тамм, муж Кристины, купил в Тампере деревообрабатывающий завод, а когда дела пошли в гору, стал еще владельцем ткацкой фабрики. Он и в Ревеле был состоятельным человеком, а на новом месте в руки к нему потекли миллионы. Росту доходов способствовали военные заказы на производство ткани для пошива армейской формы. Как и

прежде, все свое время Феликс посвящал делам, практически не оставляя его для общения с женой.

Чтобы не грешить против истины, следует отметить, что Феликс, войдя в круг успешных промышленников города, одно время по светским правилам устраивал семейные встречи раз в неделю по вечерам у себя дома. Кристина накрывала стол для кофе, мужчины, выпив по чашечке, удалялись в кабинет, курили, играли в шахматы, вели деловые разговоры. Их жены оставались в гостиной, где для хозяйки наступало время мучения: она слабо владела финским языком, а гости плохо говорили по-русски и совершенно не знали польского. Женщины пытались общаться на смеси финского, русского и эстляндского, но не могли ни о чем поговорить толком. Кто-то просил еще кофе, кто-то извлекал из ридикиюля рукоделие, чтобы довязать чулок, а кто-то откровенно скучал и клевал носом. Постепенно такие семейные встречи у супругов Тамм прекратились. Кристина оказалась предоставлена самой себе, как это было до переезда из Ревеля.

Тяжелым ударом для нее стало известие о гибели Стрельцова. Альбина к Рождеству получила из России много поздравительных открыток. В одной из них, пришедшей от осведомленного сотрудника Министерства иностранных дел, с которым прежде они вместе служили, имелась горькая приписка о том, что Илья Иванович погиб вместе с пароходом, подорвавшись на mine в Финском заливе. Альбина встретила с подругой и, заливаясь слезами, пересказала страшную новость. Кристина выслушала ее, не проронив ни слова, вернулась домой и слегла в недомогании.

Накрывшись пледом с головой, она твердила одно и то же:

– Я сама, сама, сама виновата в его гибели! Я накликала беду! Я столько раз твердила: тебя убьют, тебя убьют! Это я виновата в его гибели! Сама накликала беду!

Феликс по вечерам приходил домой, заглядывал к жене в комнату и видел одну и ту же картину: Кристина лежала лицом к стене, не отвечала на вопросы, не вставала к столу. Прислуга докладывала, что она несколько дней почти не притрагивалась к еде. Вызвал врача, но доктор провел с ней наедине почти час, а потом вышел и развел руками:

– Медицина в этом случае оказалась бессильна, господин Тамм. Мое мнение: у вашей супруги сильнейшее нервное расстройство.

К жизни ее вернула приехавшая в гости Альбина Илонен. Подруги поплакали, поговорили о постигшем их горе, и вдруг Кристина слабым голосом рассказала о родившемся плане:

– Я чувствую, что надо ехать в Ревель. Поговорю с его сослуживцами, глядишь, узнаю от них какие-нибудь подробности его гибели. Зайду в его квартиру, может, удастся взять на память что-то из оставшихся вещей. Как ты думаешь, Альбина?

– Наверное, ты права. Но вряд ли тебе дадут проехать туда без разрешения начальства.

– А как мне быть? Сидеть здесь взаперти более невыносимо.

– Я провожу тебя в Гельсингфорс. Мы добьемся, чтобы тебя принял главный адмирал. Ты ему расскажешь о своих отношениях с Ильей Ивановичем, и он как благородный человек не сможет отказать тебе в просьбе выяснить обстоятельства его гибели.

Вечером Кристина огоршила мужа сообщением о том, что намеревается уехать ненадолго в Гельсингфорс, а оттуда через Петроград в Ревель. Она пояснила, что хотела бы зайти в их старую квартиру, посмотреть, в каком она состоянии пребывает, пока город не заняли наступающие немцы. Феликс пытался возражать, но увидев в глазах осунувшейся супруги такой решительный огонь, согласился, чтобы не вызвать новый приступ нервного расстройства.

В последующем Кристина вспоминала, каким напором она сопровождала свою просьбу в кабинете командующего Балтийским флотом Адриана Ивановича Непенина. Как адмирал согласился с женщиной, потерявшей на войне любимого человека. Как она преодолела путь из Петрограда в Ревель, стоя в тамбуре штабного вагона воинского эшелона, ведь пассажирские поезда давно не ходили. Как возвращалась в санитарном поезде. Но главное – как чувствовала

себя победительницей, когда в Ревеле после беседы с Владимиром Константиновичем Тихоновым обрела надежду найти Стрельцова живым.

Они с Альбиной составили план поисков, быстрому осуществлению которого помешали революционные события в Петрограде, отречение императора Николая II и их отголоски в Финляндии, приведшие к гибели Непенина, который мог бы поддержать женщин в поисках. Обе горевали о несправедливой и жестокой судьбине адмирала, который так хорошо знал Илью Ивановича по службе на флоте.

Начало поисков переносилось с одной недели на другую. Когда утихли столкновения мятежной толпы с монархистами, шел второй месяц весны. В апреле сельские дороги расквасились, а лед в шхерах еще стоял, но ехать на санях по нему тоже было невозможно. Бесконечное ожидание нервировало, Кристина металась по квартире в Таммерфорсе, выплескивая скверное настроение на добродушного супруга. В конце концов созрело решение навести справки о возможных направлениях поисков в конторе полицмейстера Великого княжества Финляндского в Гельсингфорсе.

Она обратилась к Феликсу, так как без его протекции решить вопрос в полиции не было возможности, хотя русский император даровал женщинам в Финляндии равные права с мужчинами. Феликс, однако, не пришел в восторг от намерения супруги заняться поисками пропавшего русского полковника в глуши финской провинции. Кристина, не ожидавшая строптивости от мужа, во все времена совершенно безразличного к ее интересам, приняла образ грозной орлицы.

Про себя обозвав Феликса «бестолковым увальнем», «противным ревнивцем» и даже «обормотом, который забыл, когда ложился в супружескую постель», Кристина пошла в атаку. Она грохнула об пол пяток сервизных тарелок и с возгласом: «Домашний деспот!» – прицельно метнула соусницу. Муж с неожиданной для своей тучной фигуры ловкостью увернулся от фарфорового снаряда, убежал в кабинет и оттуда примирительно закричал:

– Делай ты, чего хочешь, сумасшедшая! Можешь сама поехать к комиссару участковой полиции в Гельсингфорс, сказать, чья ты супруга, и объяснить, чего тебе нужно.

Дама, удовлетворенная результатом семейных переговоров, отправилась в Гельсингфорс, чтобы воплотить задуманное в жизнь. Полицейский комиссар с удивлением выслушал странный вопрос супруги уважаемого господина Тамма, но терпеливо и неспешно объяснил, где можно искать спасенного из воды и каким путем проехать в отдаленные рыбацкие хутора. Более того, он позвонил комиссару сыскной полиции губернии Або-Бьерненборг и поручил содействовать госпоже Тамм в осуществляемых ею поисках.

Окрыленная первыми успехами, Кристина поехала в столицу юго-западной Финляндии город Або, имевший финское название Турку. Ее встретил комиссар сыскной полиции господин Пелтонен. Полицейский чин весьма учтиво пригласил гостью в комиссариат, велел секретарше приготовить кофе и профессионально без назойливости расспросил, кого предстоит искать и по какой причине. Кристина могла бы выложить человеку, готовому участвовать в поиске, все, что знала о Стрельцове. Но Альбина ее заранее предупредила, что со стороны сыщиков могут поступать всевозможные вопросы, на которые совсем не обязательно отвечать подробно. В отличие от Кристины, Альбина знала, в какой службе работал Илья Иванович. Более того, девушка помогала полковнику в тайных операциях против Германии и не раз выполняла в Стокгольме задачи, о которых предпочитала молчать. Разведчик дал ей несколько уроков конспирации, которые никогда не были лишними в их беспокойной жизни. Этого Альбина никогда не рассказывала подруге. Но как человек искушенный перед началом поисков она предупредила, о чем можно говорить, а о чем лучше промолчать.

Кристина доверительным тоном сообщила комиссару, как пропал Стрельцов, как его дочерям, живущим в России, осведомленные флотские чины подсказали, что полковника могли спасти финские рыбаки, и как дочери обратились к ней с просьбой узнать о судьбе отца

все, что можно. Комиссар вызвал констебля и поручил поиск ему. При этом оба полицейских в один голос попросили фотографию Стрельцова, чтобы знать, кого разыскивать. Вопрос о фотографии с Альбиной не обсуждался, поэтому Кристина достала из сумочки фотографическое изображение Ильи Ивановича в парадной форме офицера Генерального штаба и отдала Пелтонену. Впоследствии она не раз жалела об этом необдуманном поступке. Но дело было сделано: фото Стрельцова легло на рабочий стол комиссара сыскной полиции.

Констебль заявил, что задача ему ясна и он начнет поиск в самое ближайшее время. Но эта работа потребует много времени, ведь поиск придется вести и на хуторах, и по шхерам, и на островах. Район очень большой, обследование займет немало времени, поэтому госпожа Тамм может спокойно ехать домой, о результатах ее известят из полиции.

Кристина, готовая немедленно пуститься в путь по первому же адресу, была обескуражена таким ответом полицейского чина. В возмущении она обратилась к Пелтонену:

– Господин комиссар, этот вопрос нельзя откладывать в долгий ящик. Его надо решать срочно. Человек, тонувший в воде, наверняка нуждается в лечении. Или вы допускаете, что мы можем сообщить дочерям Стрельцова скверную весть о том, что их отец не дождался нашей помощи? Я сама намерена участвовать в поездках, буду оплачивать дорожные расходы!

– Уважаемая госпожа Тамм! В этом нет необходимости, констебль сам все сделает и поможет человеку, попавшему в беду.

– Пусть ваш констебль объяснит мне, куда нужно ехать, это – главное. А поедет он со мной или нет, большого значения не имеет.

2

Узкая лесная дорога вилась между соснами, елками, осинами и березами. Запряженный лошастью тарантас неторопливо двигался, покачиваясь на кочках и шурша колесами по редким лужам. Возница что-то тихо мурлыкал под нос, а констебль сонно посапывал. Кристина смотрела по сторонам, задумчиво покусывала сорванную травинку, взгляд ее ловил веселые солнечные лучики, проглядывавшие сквозь ветви деревьев, скользил по свежей изумрудной траве, растущей между накатанными дорожными колеями. Они ехали по второму адресу, но отчего-то не верилось в успех этой поездки. В прошлый раз ничего о Стрельцове не удалось узнать, размышляла она, и сейчас не было уверенности в том, что повезет. Говорят, сердце – вещун, но сердце молчало и ничего не подсказывало.

После полудня добрались до нужного места. Рыбацкий хутор спрятался между исполинскими соснами, толстые корневища которых вились по земле, устланной ковром из хвойных иголок. Впереди за стволами деревьев и постройками синела водная гладь, в воздухе чувствовался запах моря. Тарантас остановился, возница понурил голову, собираясь подремать на солнышке. Констебль, напротив, встряхнулся, поправил фуражку и принял важный вид. Вдвоем с Кристиной они направились к жилому дому, из которого выбежали трое ребятишек и застыли на месте, опасливо поглядывая на приезжих. Грозное обличье полицейского явно пугало малышей.

Кристина сразу поняла, что сегодняшняя поездка полностью повторит предыдущую, когда они ездили на первый по списку хутор. Появилось лишь одно отличие: в тот раз их встречал хозяин, рослый седой рыбак, а сейчас из дома следом за детьми вышла хозяйка, быстрая в движениях женщина в финской национальной одежде. Видимо, муж ее был в отъезде.

Дальше все шло как под копирку: констебль поздоровался, произнес несколько традиционных фраз о погоде, о видах на морскую рыбалку, на урожай овощей, показал женщине фотографию Стрельцова и задал несколько вопросов. Кристина стояла поодаль, слушала их разговор, но по-фински понимала не все. Впрочем, понимать-то было нечего. Судя по тому, что женщина на каждый вопрос констебля пожимала плечами и твердила одну фразу: «Anteeksi,

entiedä» («Извините, не знаю»), она никогда не видела Илью Ивановича, муж ее в декабре никого не привозил в своей лодке, и о том, что кто-то из соседей спас в море русского, слухом не слыхивала.

Можно было собираться в обратный путь. Констебль развел руками и сообщил Кристине, что хозяйка хутора ничего не смогла сообщить по интересующим их вопросам. По дороге в город полицейский долго объяснял, что из-за поездок на хутора, которые занимают каждый раз целый день, у него накопилось много других дел. В следующий раз он мог бы отправиться по новому адресу недели через две. Кристина не особенно удивилась, потому что была готова к такому развитию событий. Ей даже казалось, что неудачи первых дней поиска следует отнести на счет констебля, который не был заинтересован в конечном результате и попросту отпугивал удачу. Она поблагодарила констебля и сказала, что продолжит поездки одна, ведь список адресов у нее имеется и, как искать хутора, она представляет.

К себе в Таммерфорс она не поехала, а направилась к Альбине. Подруга усадила за стол и силком заставила немного поесть. Кристина не ела весь день, отсутствие положительных новостей в поисках ее крайне расстраивало. Заметно нервничая, она собралась подробно рассказать о первых поездках и вдруг расплакалась, закрыв лицо руками. Альбина накапала в чашку валериановых капель, велела выпить и постаралась успокоить гостью, убеждая, что рано или поздно они найдут Стрельцова. С завтрашнего дня она тоже присоединится к поискам. Им будет легче, если действовать заодно. Здесь следует заметить, что в январе Альбина родила первенца, симпатичного пухлощекоего мальчишку. Сначала она неотлучно была с сыном, но со временем передала его на попечение кормилицы и няньки, чтобы чувствовать себя свободнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.